

Мастэрская
літаратурнай прозы

Мейр Узэроб

Дзмітрый Хазаріц і
Девушка Дебур

Меир Узиэль

Демоны Хазарии и девушка Деби

«Книга-Сэфер»

Узиэль М.

Демоны Хазарии и девушка Деби / М. Узиэль — «Книга-Сэфер»,

Особое место в творчестве известного израильского писателя Меира Узиэля занимает роман, написанный в жанре исторической фэнтези, - «Демоны Хазарии и девушка Деби» («Маком катан им Деби»). Действие романа происходит в таинственной Хазарии, огромной еврейской империи, существовавшей сотни лет в восточной Европе. Писатель воссоздает мифологию, географию, историю, быт мифической Империи иудеев. При этом населяет страницы романа живыми, узнаваемыми героями, насыщает повествование их страстями, любовью и ненавистью, пороками и благородными побуждениями. Роман держит в напряжении и не оставляет равнодушными сотни тысяч читателей, ознакомившихся с ним на иврите. Теперь одна из любимейших книг израильтян приходит к русскоязычным читателям.

Содержание

Вступление	5
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	14
Глава четвертая	16
Глава пятая	18
Глава шестая	20
Глава седьмая	23
Глава восьмая	25
Глава девятая	27
Глава десятая	30
Глава одиннадцатая	31
Глава двенадцатая	32
Глава тринадцатая	33
Глава четырнадцатая	34
Глава пятнадцатая	35
Глава шестнадцатая	36
Глава семнадцатая	38
Глава восемнадцатая	39
Глава девятнадцатая	40
Глава двадцатая	42
Глава двадцать первая	44
Глава двадцать вторая	45
Глава двадцать третья	48
Глава двадцать четвертая	50
Глава двадцать пятая	51
Глава двадцать шестая	53
Глава двадцать седьмая	56
Глава двадцать восьмая	57
Глава двадцать девятая	59
Глава тридцатая	61
Глава тридцать первая	63
Глава тридцать вторая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Меир Узиэль

Демоны Хазарии и девушка Деби

Вступление

Место действия: Галиция. Холодно. Чтобы было понятно нынешнему читателю, не больше семи градусов тепла. В сумерках ветер пронесся по бесконечному пространству холмов, как единственное живое в безжизненной пустыне. Ветер брызнул каплями молока в мордочку теленка бизона и умчался, вороша оставшуюся листву насыщенных свежестью лесов. Ветер коснулся стоящей на коленях девушки. Дрогнули ее обнаженные плечи, подобно зыби на глубокой воде.

Дикарь стоял на обочине пустынной дороги, напротив начинающего розовеет неба. Это был дикарь без имени. Окликали его по названию оружия, которое в этот момент он держал в руках: Крыло Летучей Мыши.

Он терпеливо ждал, ибо собирался продать свою добычу одному из самых важных евнухов королевства, который должен был проехать по этой дороге.

Товаром на продажу и была девушка. Связанная цепями, грязная, с пятнами крови на лице и волосах. Дикарь держал в руках край цепи. Пленница сидела, подогнув ноги, как это обычно делают девушки. Голова ее была опущена. Волосы темные, какие не встречались в этих местах в те времена, опали по двум сторонам лица, почти скрывая его. Она надеялась, что волосы скрывают и ее налитые груди.

Была она босой и голой. Так ее выставил на продажу дикарь Крыло Летучей Мыши.

Они ждали. Браслет колдуна, которым дикарь сжал ей запястье, пронизывал болью. Руки, заломленные за спину и скрепленные оковами из серебряных монет, совсем заныли, но она дала себе слово молчать и не двигаться, чтобы не получить еще оплеуху, хотя прежние были терпимы, и не оставляли синяков под глазами.

Дикарь берег ее внешний вид. И, поверьте мне, в ней не было видно никакого изъяна. То, что внутри, человек не видит, а в тех странах в те времена раненая или разбитая душа, тоскующая по смерти и гибели, не считалась ущербной.

Дикарь все подумывал – не попробовать ли ему девушку еще раз перед продажей, но решил отказаться от этого.

Ладонь его ощущала тяжесть меча. Конфигурация в виде крыла летучей мыши придает тяжесть, сталь толста с одной стороны, так, что ею можно наносить удар мощнее молота. Это было нечто среднее между мечом и топором. С этим оружием дикарь шатался по долгим пустынным долинам, где не ступала нога человека, по местам, которые в будущем назовут Галицией. Но и тогда, тысячу лет назад, когда дикарь стоял под багряными небесами, были люди из малых болезненных племен, которые так и называли эти места.

Ожидание затягивалось.

Продавал он девственницу и потому надеялся на хорошую цену. Когда он захватил ее, рассчитывая продажей покрыть долг за новый меч, с удивлением увидел, что она подает известный знак руками, мол, я невинна. Он замер, затем сделал ей больно, налегая на нее всей своей мужской звериной жадностью, но не вторгся в нее и выпустил семя ей на живот. Встал, тяжело дыша, и задумался.

Что ж, раз она девица, продам ее королевскому двору подороже.

Королевство это, по сути, было ничтожным, и король с трудом содержал свой жалкий дворец. Дни его правления были сочтены из-за огромного долга соседней Иудейской державе, по ту сторону реки. Он был должен уйму редких шкур тамошнему царю, но из-за отсутствия

достаточного числа охотников, не мог доставить в сто раз более мощному соседу то, что задолжал, и наказание уже назревало со всей неотразимостью.

Но все же покупательная способность короля была выше любого другого в Галиции. А дикарь размечтался, что полученными деньгами покроет не только долг за меч, но и за кожаные сапоги с подметками из волчьей шерсти, пояс из бронзы и бронзовые браслеты, защищающие руки.

Все это, включая широкую рукоятку к мечу, дикарь взял в долг, обещавшись его вернуть, хотя не всегда был верен своему слову.

И вот, он стоял на обочине дороги, ожидая евнуха в красивых кожаных сапогах, посверкивая начищенным золотым браслетом в розовом свете уходящего дня. Кроме кожаных коротких штанов и металлического пояса, на нем ничего не было, чтобы все видели мощь грудных и ножных мышц, ибо, по сути, он и себя выставлял на продажу.

Меч он держал оголенным, так как ножны отсутствовали.

В северных этих местах свет продолжает далеко за полночь освещать сумеречное небо, которое золотело мягкими сладостными красками.

Но вот появилась небольшая процессия. Посреди нее, в паланкине, на спине гигантского хищного зверя, который водился в Галиции в те времена и от которого не только костей, но воспоминаний не осталось, восседал евнух.

Всадники остановились. Дикарь выпрямился во весь рост, напряг грудные мышцы, так, что тень от них легла на загорелый живот.

Гигантский зверь, разинув пасть, и тяжело дыша, косился на оголенный меч. Зубы зверя были огромны и остры, язык ужасающе болтался колоколом.

Евнух, по-птичьи склонив набок голову, разглядывал девушку, и жирное его лицо было полно вождления. Масленая улыбка блуждала на его исходящих слюной губах. Девушка была прекрасна. Зрелость женщины исходила от ее тела, некоторая полнота которого казалась волшебной.

«Сколько ты хочешь?» – спросил дикаря евнух, и руки его скользнули по толстому брюху. Ничего я не могу сделать против факта, что он выглядел и вел себя как стереотип евнуха. Таким он был. Я мог бы, конечно, этот стереотип изменить, но буду фиксировать лишь то, что видел. И так ведь мало кто знает, что там происходило на самом деле.

Евнух отдернул занавес паланкина, но не сошел, а откинулся на спинку сиденья, расписанного изображением большого цветного павлина, улыбка сошла с его лица, глаза стали пытливыми.

«Я продам ее тебе. Она девственница», – сказал дикарь. – «Видишь, какая она красивая. Двенадцать серебряных монет».

Наиболее надежными деньгами в обороте стран того района и тех времен были арабские монеты из чистого серебра. Учитывая средний заработок и расход на душу населения двенадцать серебряных монет равны сегодняшним двенадцати тысячам долларов.

«Много», – сказал евнух, – «в настоящее время мы не можем заплатить такую сумму. Кроме того, король устал от девственниц. Ему ведь шестьдесят. Так что, нет у тебя слишком горячего покупателя».

Дикарь пал духом. Он мог справиться с любыми проблемами, но торговля с авторитетной властью была вне его способностей.

«Сколько же ты дашь?» – спросил он явно погасшим голосом.

«Ничего. Нечего мне с ней делать. Дам тебе медяки на сумму в половину серебряной монеты, если ты разрежешь ее на моих глазах. Наслажусь ее содроганиями и окуну руки в ее кровь. Какие еще у меня, евнуха, есть удовольствия. Девственница, говоришь? Ладно, добавлю тебе еще немного денег, ибо есть у меня, что с ней делать в те минуты, когда от нее отлетит душа. Ну, режь». И в голосе его слышался трепет предвкушаемого сладострастия.

Дикарь поднял меч и приблизил его к горлу опустившей голову девушки. Лишь в этот момент, увидев взгляды дикаря и евнуха, девушка поняла, что ее ждет. Вмиг свет прихлынул к ее глазам, свет давних дней в отчем доме, она увидела себя, прядущую голубыми и золотыми нитями, прислушивающуюся к шепоту звезд и хрусту раковин под ногами возвращающегося домой отца.

«Слушай, Израиль...», – начала она звать к небу.

«Не трогай ее, не трогай ее», – евнух резво, несмотря на брюхо, выскочил из паланкина в испуге.

Дикарь, сбитый с толку, опустил меч.

«Ты иудейка?» – спросил евнух девушку на незнакомом дикарю языке.

Языка этого она не знала.

«Иудейка? Хазарка? Еврейка?»

«Да, Израиль, еврейка», – ответила на иврите.

«Не беспокойся», – сказал евнух спокойным и уравновешенным голосом, – «приведем тебя к евреям в Хазарию. Не бойся. Я возьму тебя с собой».

Она смотрела на него, не веря ему, как и остерегаясь гигантского зверя. Казалось ей, он может ее в любой миг укусить.

«Кто эти хазары? – спросила она. – Слышала о таких, но где они?»

«Есть такие», – сказал евнух, – «мы недалеко от них. На расстоянии четырех дней верховой езды отсюда находится граница с Хазарией. Как же это ты, иудейского вероисповедания, не слыхала о них? Откуда ты?»

«Мы пришли из Италии».

Стало тихо. Евнух погрузился в размышления. Душа его удалялась от прежних сладострастных желаний. Эта еврейка даст ему определенную выгоду в некоторых весьма тонких переговорах с властями Хазарии.

«Как она к тебе попала?» – спросил евнух дикаря.

«Их было несколько. Семья, думаю. В большой повозке, похожей на вагон, они двигались с запада. Продавали в селах отрезки тканей. Я вел за ними слежку несколько дней. Странные какие-то: каждое утро покрывали себя тканью и повязывали руки кожаными ремешками, как хазары. Так вот. В одно утро я набросился на них и взял эту девицу в плен. Они не умели дать отпор, даже не знали, как сбежать или криком звать на помощь. Такие вот люди. Сказали мне, что они повернули обратно по дороге, которой пришли», – торопился выложить все дикарь, считая, что любая подробность важна евноху.

Но, в общем-то, все это не было столь важно. Евнух вовсе не собирался вернуть девицу к семье кочующих евреев, которые слишком далеко забрались. Она нужна была ему как доказательство, насколько верно его королевство Хазарской державе.

«Сколько же я дам тебе?» – вслух размышлял евнух. Многого можно высказать против него, но в денежных делах он был справедлив. – «Девять серебряных монет».

По расчетам наших дней меч стоил ему шесть тысяч долларов, роскошная рукоять – еще две тысячи. Но сапоги, пояс и браслеты на руках не стоили более одной тысячи долларов, так что цена был для него даже отличной.

Девушка взобралась на зверя, как была, голая, в цепях, и зверь подал голос, странно похожий на голос, издаваемый гадюкой.

По дороге евнух обдумывал ряд идей:

Идея первая: лучше всего, чтобы он сам привел ее в Хазарию, в столицу ее Итиль. Идея была отличной, но:

Идея вторая: Повелитель реки, который много лет был пассивен, снова начал задерживать евреев, не давая им войти в Хазарию. Евнух не сможет его побороть и перейти реку с

пленной. Слишком много опасностей подстерегало при встрече с этим повелителем реки, тем более евнух был ему слишком много должен.

Поэтому: Идея третья: Он передаст девицу одному графу, во владениях которого есть представитель Хазарии. Да, это наилучший выход. И этот представитель Хазарии, врач по профессии, не знает того, что знает евнух: даже он не сумеет перевести девушку в Хазарию. Но важно лишь то, что вот, я, евнух королевства восточной Галиции, действую в пользу иудеев, и это зачтется нам при обсуждении отношений между восточной Галицией и великой державой Хазарией.

Глава первая

Земля была влажной. В пятнадцатый день месяца Адар воздух был голубоват и свеж. Утренний туман уже рассеялся. Двадцать восемь дней оставалось до праздника Пейсах в четыре тысячи шестьсот двадцать первом году по еврейскому летоисчислению, со дня сотворения мира.

Ноги увязали в высоких и влажных травах. Сапоги вымокли до основания. Резкий запах трав ударял в ноздри, поднимаясь от земли. Влажная густая растительность, ни одной тропы, – все это затрудняло движение. Но вопреки всему этому, группа продвигалась со скоростью шесть километров в час на восток-юго-восток. Солнце било в глаза.

Их было одиннадцать. Шесть парней, одетых в дорогие шкуры и опоясанных десятью ремнями. Они несли огромные носилки. Две высокие черноволосые женщины шли за ними, иногда догоняли бегом носилки, чтобы вытереть носы двум детям, сидящим на носилках. Там же лежала молодая женщина, покрытая шкурой, крайне ослабевшая, бледная. Каштановые волосы слиплись колтуном, лицо было белым, как и язык. Пятый день у нее не прекращались рвоты, сотрясающие носилки. Одна из женщин бежала рядом с носилками, спрашивая, как больная себя чувствует, пыталась покормить ее кашей. Больная ничего не ела, не говорила. Лишь иногда глубоко вздыхала, оглядывала саму себя и снова тяжело вздыхала.

Двое детей сидели, выпрямившись, как могут лишь дети, глядя на дорогу, которая утомляла их своим однообразием. Сколько раз можно было развлекать их окликом: «Вон, зайчиха».

Один из носильщиков нашел положение, богатое возможностями. Девушка, бегущая рядом с носилками, время от времени прикасалась к нему, опиралась на него во время бега и, при этом, занималась больной.

Он изгибал тело так, что одно плечо поддерживало носилки, а сам старался, как можно больше, соприкоснуться с девушкой. Естественно, ожидал отпора, которого не было.

Он был красив тонкими чертами лица, черным волосом, стыдливой наивностью, которая вовсе не вязалась с его действиями.

Девушка, конечно же, ощущала близость тела юноши. Но он, как все мужчины, думал, что она, быть может, не чувствует того, что происходит. Она решила продолжать эту отличную идею – следить за больной на носилках. «Бедная моя», – говорила она ей по-итальянски.

Все эти прикосновения – не прикосновения, рвота, заросли не мешали всей группе двигаться довольно быстро без остановок. Душевные и сердечные бури не препятствовали продвижению этих людей.

В один угол огромных носилок был воткнут тонкий шест из удивительно крепкого сухого дерева, на верху которого развевались два флага. На белом нарисован хлебный колос. На черном – тускло-белая шестиконечная Звезда Давида, и некое подобие раскрытого цветка анемона, что произрастает в стране Израиля.

Ветер ерошил верхушки трав и тополей, и флаги, хоть и были коротки, развевались на ветру.

Вот уже час мужчины несли носилки без отдыха по низменности, покрытой почти в рост человека зелеными сырыми травами, в сторону вздымающихся вдаль холмов. К ним они и направлялись. Но теперь они вынуждены были остановиться, ибо путь им преграждал довольно широкий ручей голубеющих вод, по тихим берегам которого росла роща молодого орешника, чьи листья светлели по-весеннему.

Две коровы паслись на траве под огромной плакучей ивой. Люди опустили носилки. Кто-то из них сказал: «Останавливаемся здесь». Говорили на смешанном хазарско-ивритском языке или, скорее, на иврите с примесью хазарских слов. Целые области говорили только на иврите. В других же областях мешали этот язык с языком готтов. Во всяком случае, «ништ гут»

и «мейделе» («нехорошо» и «девочка» на языке идиш. Примечание переводчика – в эллиптическом стиле автора) – знали все. Даже те, кто обитал далеко от мест проживания готтов. Служанки – арабки, шведки или болгарки – учили детей родным языкам. Были и такие, которые, в стиле тех лет, брали рабов для обучения детей греческому языку. Но писали, все же, главным образом, на иврите. На других же языках писали слова ивритскими буквами.

Один из носильщиков тяжело вздохнул, потер плечо, затем размял прыжками напряжение в ногах, ударяя ими по травмам. Женщины собрались вокруг больной, лежащей под шкурами, мерили ей жар.

Ханан, тот самый красавчик, пытался уловить взгляд молодой итальянки, прикосновения которой лишили его покоя. Но она, как бы скромно уклоняясь от его взгляда, не поднимала глаз от дел. Натан сам над собой разочарованно посмеивался. Глупышка, вероятно, и вправду думала, что, не торопясь, установит новую связь. Не торопясь? Нет времени. Но она этого не знала. Они приближались к великой и мощной иудейской державе Хазарии, и она думала, что теперь-то все будет отлично.

«Можно попить?» – спросил один из мужчин.

И одна из молодых женщин сказала рыжему мальчику тем самым сладостным и смешным итальянским акцентом: «Принеси термос, который за твоей спиной». Естественно, на хазарском слово это звучало по-иному, но означало то же.

Мальчик принес кожаный, зеленого цвета, бурдюк.

«Минуточку», – сказала она мужчинам, и извлекла шесть чашек. Они налили себе оранжевый чай и с удовольствием стали пить.

«Ну, что будем делать?» – спросил один из них, тоном давая понять, что знает ответ на свой вопрос. Он встал, направился к ручью, держа чашу в руке и пылливо вглядываясь в воды. Вернулся, допил чай, выдернул шест с флагами, вернулся к ручью, оперся о шест, вошел в ручей до верхнего уровня голенищ сапог и попытался шестом прощупать дальше глубину. Воды были глубоки, и течение было сильным. «Здесь глубоко», – сказал и в сердцах выругался, естественно, по-арабски.

Коровы продолжали щипать траву, и только подняли головы, услышав ругательство, прекратив на миг жевать, но затем опять уперли взгляд вдаль, работая челюстями.

«Напились?» – спросил мужчина, который спускался с шестом к воде. Имя его было – Ахав, кличка – «Белое поле». – «Следует пойти вдоль ручья, чтоб найти брод. День на исходе. Каждая минута дорога».

Шестеро парней, вооруженных луками и стрелами, пошли вверх по течению, оправляя за пазухами короткие ножи. Шли, примерно, пятнадцать минут, но ручей был все тем же глубоким и бурным. Был уже поздний час весеннего месяца Адара. Сумерки сгущались. Становилось облачно, прохватывал холод.

Женщины тщательно закутали больную шкурами и дали салат с яйцом под майонезом детям, которые прибежали по траве и уселись на край носилок поесть. Попросили хлеба. Женщину, которая прикасалась к Ханаану, звали Гила, вторую женщину – Мира. Имя больной – Елени. Гила, та самая, которую евнух спас из рук дикаря. Но все это не имеет значения, ибо, я думаю, женщины ненадолго останутся в этом повествовании.

Старшего мальчика, одиннадцати лет, звали Йосеф. Он был рыж. Младшего, черноволового, шести лет, звали Иаков. Оба были принцами, сыновьями обедневшего хазарского графа. Вся группа двигалась к усадьбе этого графа, малой пяди земли на берегу лагуны Хазарского моря. Там мальчики должны были начать обучаться владению оружием и заняться изучением Торы, после того, как всю зиму изучали латынь, рисование и играли в бадминтон в каменном дворце королевства, где их мать была послом, а отец, граф, советником по медицине.

Прошло уже более часа, как мужчины растворились в сумерках.

«Что ж», – сказала Гила, – «заночем здесь. Я начинаю готовиться к ночевке». Она извлекла шесты, на которых держались носилки, соорудила некое подобие шалаша и обтянула его шкурами, прося прощения у больной.

У входа в шалаш горел костер, на котором варилась фасоль с костями. В течение еще одного часа установилось безмолвие. «Где же мужчины?» – слегка забеспокоилась Гила.

Мальчик пошел пописать в ручей. «Что это за голос из глубины вод?» – спросил один другого, и они заторопились обратно. Тьма уже была настолько плотной, что они не заметили, как воды в ручье забурлили, взлетели в воздух небольшие камни и удивленные рыбы и опять упали в ручей.

Через несколько мгновений после того, как мальчики отдалились от ручья, вознеслась из вод влажная голова, покрытая черным покрывалом с огненно-багровыми полосами. Голова вперилась во тьму, видя все, и взгляд ее был устремлен на коров. Затем голова опять исчезла в глубине вод, которые перестали бурлить, и рыбы снова поплыли спокойно по течению.

Коровы, увидевшие черного монстра из вод, встали на дыбы, глаза их потемнели и расширились древним страхом, опустошившим их взгляд. Внезапно они превратились в двух мужчин с толстыми бровями, и лишь заплаты на их бородах напоминали, что они были коровами. Они неслышно, подобно движению луны в небе, приблизились к костру и вгляделись в женщин и детей.

Сварилась фасоль, и запах дразнил ноздри всех, сидящих вокруг костра. «Отличная еда», – сказали женщины, и добавили соли, и с осторожностью – перца.

«Где же мужчины?» – уже всерьез обеспокоилась Гила, которая не любила оставаться ночью в этих сомнительных местах вне Хазарии. Тут есть всякая нечисть, черти и зеленые вурдалаки, навевающие опасные грезы. Она почти ощутила на охватывающие ее шею когти, собирающиеся ее душить. Тут обитают змеи в черепахах, совершающие черные дела по указке магических сатанинских сил, замышляющих колдовство и сглаз. Эй, где вы, мужчины, куда исчезли?

Ей особенно не нравилось то, что рассказали ей дети о странных шорохах из вод. Она-то знала, что означает этот голос из глубины. Это звуки, издаваемые дьяволом Самбатионом, родившимся в этих проклятых местах. Тут, на границе Хазарии, он живет и действует, заваривает дела с местными проклятыми бандами, приходит им на помощь в совершении их темных делишек после переговоров о величине оплаты, главным образом, подушно, то есть рассчитывается их душами. Тут он издает свой омерзительный, ужасный крик, от которого стынет в жилах кровь.

Каждый, кто заключает с ним сделку, обречен. Но омерзительные эти бандиты до такой степени жадны до алкоголя, что продаются ему с потрохами.

Глава вторая

Мужчины вернулись. Потрясенные, ковыляющие, лишившиеся одного топора в столкновении со странными речными черепахами, которые набросились на них по ситалу с наступлением темноты и перекрыли дорогу назад.

Они шли в этой пронизывающей холодом тьме, в злости ударяя ногами по травам, обескураженные, молчаливые, Именно сейчас, побежденные, униженные, они ощущали, насколько молоды и неопытны.

Ручей виделся им неодолимым по всей своей длине, во всяком случае, на протяжении пяти километров, которые они прошли с места, где оставили носилки, женщин и детей, принцев Йоселе и Янкалэ.

По дороге они довольно долго задерживались, измеряя глубину ручья в попытках найти место перехода и удивляясь отсутствию такового. Везде воды были глубоки и бурны, и сама река была неодолимо широка.

Это явно было противоестественно и необычно. Ведь, по сути, это был ручей. Не река. Черепахи хлынули неожиданно, поражая угрожающим дыханием в тот миг, когда парни решили вернуться, ибо густая тьма внезапно упала с высот. Черепахи были огромны, вышли из вод и напали на шесть мужчин, быстрые и увертливые, что вообще не характерно для черепах. Две из них были расколоты боевыми топорами с двумя лезвиями. Стрелы же вовсе не помогли. Но когда черепахи опять и опять были опрокинуты на спины, и в мягкие их брюха вонзились металлические острия копий, издали они хриплые крики, и новые полчища черепах выползли из глуби вод, так, что образовалась стена из них, преграждающая мужчинам путь назад.

Тьма становилась все более плотной, небеса сгустились, как гороховый суп. Мужчины попытались обогнуть стену из черепах, стоящих на задних лапах, и пена текла из их глаз. Но черепахи двигались стеной, и им на помощь шли новые полчища. Когда же парни приблизились, работая боевыми топориками, черепахи прижали панцири одна к другой и толстыми тупо выставленными лапами и с удивительной успешностью отражали эти удары. Сплошное завывание слышалось из среды черепах, завывание бесконечной тоски и печали, которое обычно издает существа, терпящие поражение. Но они продолжали сопротивляться и даже подбросили двух парней одной задней лапой, ударяя их силой панциря, и мужчина весом в семьдесят килограмм мышц был сбит с ног.

И вдруг, в этой катавасии криков, ударов, звуков раскалываемых панцирей внезапно возникла тишина из глуби вод. Услышав эту тишину, черепахи опустили на все четыре лапы, обрели обычные формы, вперевалку уползая и уносясь течением.

Свет ранней ночи вернулся в пространство. Поле было усеяно черепахами, намного меньшими обычной своей величины, которые обычно являются добычей ястребов. Они беспомощно ковыляли в сторону ручья и шлепались в воду, брызгая вокруг.

Мужчины еще продолжали с прежней горячностью убивать черепах, разбивая им головы, которые те вынуждены были высовывать, чтобы передвигаться, но вскоре поняли, что сражение кончилось.

Поле обернулось травами, усеянными размозженными черепахами. Умиrotворяющее стрекотание сверчков распространилось в ночной тишине. Черепахи исчезли на дне ручья, который вернулся в состояние мирного течения, тускло посверкивая в слабом ночном свете.

«Что?» – сказали мужчины. – «Кто? Что здесь случилось? Недобрая земля эта для перехода, какая-то люблинская топь, говорили они шепотом про себя, ощущая синяки от ударов.

Теперь напал на них страх за судьбу женщин и детей, которые остались за стеной черепах, обернувшихся огромными и нападающими, превратившими панцири в оружие защиты и нападения. Они быстро собрали вещи, оружие, рюкзаки, и двинулись в обратный путь Послед-

ний из них, Ахав, кричал: «Подождите меня, подождите!», бежал за ними, роняя вещи, даже портрет матери.

Глава третья

Они ощутили запах и теплоту сваренной фасоли. Тлели уголья костра.

Шутки, смех, разгоревшийся аппетит юношей сменились ужасом. Безмолвие царило кругом, безмолвие, полное страха. «Ги́ла!» – кричали парни, приближаясь к месту. – «Мира! Можно перейти ручей!»

«В любом месте. Сейчас это легко!»

«Ги́ла!» – кричали. – «Мира! Йоселе, Янкалэ!»

Ответа не было. Они начали бежать, не обращая внимания на раны, и быстро оказались около носилок, костра, шалаша из шкур, казана, висящего на шесте от флагов, покачивающемся слабо и покойно.

Три мертвых женских тела лежали вокруг шалаша. В грудь каждой был воткнут длинный штык. На каждом из них развевались шелковые красные нити. В грязи виднелись следы коровьих копыт. Детей же не было видно.

Мужчины окликали их по именам, свистели в два пальца, переворачивали шкуры на носилках, заглядывали под сундуки отпрысков, забыв, что следует разбить на сундуках замки. Разобрали шалаш. Бледность и желудочные спазмы у парней усиливались с минуты на минуту.

Дети исчезли. В бессилии парни били кулаками землю, бегали во всех направлениях, выкрикивая имена детей.

«Иаков, Яаков, Яки, Йоселе, где вы?» Ответа не было.

Вбирались на деревья, освещали фонариками заросли и кроны. Ничего не было, кроме разбуженных ворон, сердито галдящих.

Коровы тоже исчезли. Но это парни вспомнили намного позднее. Ты, любимый читатель, и ты, любимая читательница, не относитесь ко мне заносчиво и высокомерно лишь потому, что я то тут, то там рассказываю заранее то, что должно случиться позже.

Они собрались, примерно, после часа поисков, охваченные душевной болью, беспомощные, в страхе, идущем от беспокойства и любви.

Дети исчезли.

Пытались нащупать пульс у женщин, содрогание падающей руки, признаки дыхания. Ничего. Смерть. Женщины превратились в безнадежную мертвую плоть, без обновления и продолжения.

Один из парней, не сдерживаясь, горько рыдал, уронив голову на тело Ги́лы. Самым красивым был он среди парней, с нежным лицом и мягкими прядями волос. Он все еще пытался вобрать в себя тепло, уходящее из ее тела, мягкость ее кожи. Он поднял на руки сжимающееся, словно еще проявляющее признаки жизни тело, и так стоял на виду у остальных, чьи взгляды были опустошены.

Он пошел с ней непонятно куда. Удалился, вернулся. Сел на перила носилок, и вдруг вздрогнул от испуга, закрыл глаза, снова открыл, затрясся, вновь закрыл глаза и приник головой к телу девушки.

Остальные тоже присели на перила носилок в смятых одеждах, затянули снова пояса. Сидели по двое, молчали в тоске и заброшенности.

Холод усиливался, костер продолжал тлеть. Все еще ощущался запах разваренных костей, фасоли и лука.

Так они молчали, вымещая всю злость и боль на ветках, зачищая их ножами и обламывая.

«Надо быстро пересечь ручей» – сказал один из них, и все покачали головами в знак согласия.

Ручей явно обмелел, течение ослабело, видны были камни дна. Кто-то из парней разлил по тарелкам варево, и все его с аппетитом съели, удивляясь, что вообще можно есть в такие ужасные минуты.

Тут они решительно встали, вырыли три мотлы. Земля была напитана водой. И тела скользнули в это месиво. Парни чувствовали полный провал в этом влажном погребении, но провал этот, как ни странно, немного укрепил их дух. Но как пережить исчезновение детей? Что скажут по ту сторону ручья?

Они отметили место их пребывания на дорожной карте, воткнули колья на могилы. Собрали и упаковали все, что осталось. Затем подняли на плечи огромные носилки и вошли в воды ручья в своих крепких сапогах. Перешли ручей с легкостью и почти мгновенно, не слыша слабый смех, исходящий из глубины вод.

На другом берегу решили поспать перед продолжением своего пути, о котором никто из них в эти минуты не хотел думать. Что они скажут родителям детей. Итальянцам, которые захотят услышать о судьбе девушек. Мужу больной женщины, который так ее ждал с лекарствами, которые наконец-то привез с древнего берега Хазарского моря. Что они скажут бабке детей, двоюродной сестре самого Кагана?

Глава четвертая

Они проснулись. Стоящий на страже в половине седьмого утра растолкал их. Рассвет был ясный, прозрачный, без единой капли тумана. Покрыв себя талесами и надев тфилин, они благословили утро, разрозненно, без особого желания и без особой точности.

Скорбь ощущалась в их молитвах. Были бы они в своих домах и селах, в Хазарии, собрали бы белых и чистых голубей и надели бы им на шеи черные ленточки. Но здесь, во время странствия, в пустыне, не было никаких церемоний траура. Да и захоронение было не по религиозным законам, без песнопений и величаний – из страха перед Богом – смерти.

Березовая роща в двухстах метрах от них дала им ветви – соорудить с помощью частей разобранных огромных носилок легкие тачки, которые можно было волочь по земле. Ведь носилки им уже больше не были нужны: дети и больная женщина исчезли.

Господи, больше их нет.

Они оглянулись на ручей, прежде, чем двинуться дальше, пытаюсь разгадать случившееся. Он спокойно струился, чуть шелестя. Они положили на носилки все вещи и двинулись к березовой роще, извлекли топоры и пустили их в работу.

Разобрали носилки, часть хороших бревен прислонили к деревьям. Может, увидит кто, и возьмет их в свою пользу. Жаль их бросать в траве, оставить гнить под снегом.

Груз был быстро распределен между ними, и шест от флага торчал за спиной одного из парней, и флаги с изображением зерновых колосьев и белой звезды весело развевались вопреки скорбному настроению.

«Пошли», – сказал один из мужчин, более молодых, и слова его звучали в ритме мелодии, – «быстрее, уже утро проходит, а нам еще путь в сто верст. Быстрота продвиженья и натиск...»

«Десять!» – откликнулись громко все остальные боевым кличем хазарского войска, и начали быстрое движение, почти бег.

Зима была влажной, покрытой густыми сорняками и зарослями, иногда почти болотом, местами лиственными деревьями, без единой тропы. Но даже между деревьями они почти летели, подбадривая себя, четкими движениями, пробиваясь сквозь заслоняющие дорогу ветви, распугивая оленей и зайцев, поднимая в небо кукушек и ворон.

В обед сделали привал под высокими прямыми соснами. Поели сухую и холодную пищу, а не варенную, которая расслабляет. Жевали сушеную рыбу и соленые огурцы, огорченные, что нет ни пива, ни кофе, ни хотя бы чаю, и в желудках изжога, которую никакой напиток не успокоит, как и боль от потери детей и гибели женщин.

Исчезло чувство успеха, который сопровождал им в начале странствия месяц назад, когда они легко добрались до цели и вышли в обратный путь с детьми и обмененными пленницами. Все потеряно и нет выхода. В голове одного из них, Давида, вертелась песенка, которую напевал его отец: «Мудрец, пред тем, как встать над краем бездны, готов к тому, чтоб выход отыскать». Но чего стоят эти слова сейчас, эта отеческая мудрость? Каким образом выбраться из бездны? Нет выхода. Насколько чудесным было чувство до сих пор, и вот же, исчезло. Успехов становится все меньше. Так вот постареют и обнаружат, что часть из них проживают в отчаянии, в ощущении неудач, провалов, которые не желают исчезнуть, забыться, затушевать неотступное чувство горечи и боли.

Встали, двинулись дальше по земле Хазарии, перешли мостами еще три ручья, и грубо сбитые мосты вели через пограничные ручьи, которые тоже становились все полноводней, но вовсе не были похожи на тот кипящий ручей.

К вечеру, до того, как начало смеркаться, увидели дым, тянущийся из трубы хижины, и поспешили, помогая друг другу в ходьбе. Лучше постучаться в какую-нибудь дверь, чем спать

в лесу. Лучше поговорить с кем-нибудь из местных жителей. Лучше встретить, в конце концов, хазара, рассказать ему о черепахах и ручье, спросить его, может, он что-то знает о детях, знает, где их искать, кто их захватил. Может, он даст совет, что делать и что здесь происходит?

Глава пятая

Они приблизились к более высокой хижине. Как все дома в Хазарии, она была сделана из кожи. Каменные дома в Хазарии были запрещены. Не строили прочные сооружения, ибо иудеи в диаспоре должны были быть готовыми в любой миг двинуться в землю Израиля. Дома же в Хазарии не сооружались для оседлой жизни. Любой чужеземец или купеческий караван видели временность этого жилья, понимая жителей, которым не было смысла прилагать слишком много сил для строительства, ибо еще неделя, еще месяц или год, и все двинутся в страну Сионскую, в Иерусалим.

Но в таких отдаленных и обособленных районах разрешалось обшивать кожу извне досками из дуба для защиты от диких собак и волков, которые в голодные зимы приходили и грызли кожу стен. Доски эти побурели от снега, и солнца, и годовые кольца замысловатыми рисунками выделялись на стыках досок, по углам хижин.

За досками была кожа, обильно смазанная жиром. В помещениях лежали матрасы из кожи, набитые морской травой, с покрывалами из нежной и тонкой кожи, цветной и наиболее дорогой из кож, сшитой из треугольников и восьмиугольников, полос и полукружий, подходящей по декоративности стенам.

Даже в самой заброшенной хижине внутренние стены были сделаны из мягкой и дорогой кожи. Конечно, это не шло в сравнение с модными ее формами в городах, домах графов или во владениях Кагана, но вся кожа была мастерски обработана, издавала приятный запах лаванды.

Приблизившись к избушке, мужчины были немного разочарованы, увидев пасущихся свиней. Но разочарование было недолгим, ибо жильцы были евреями, а свиней растили для проезжавших мимо чужестранцев, не прикасаясь к свинине. Но мало кто там проезжал, и свиньи сильно расплодились. Если кто и появлялся, ему просто дарили свиней.

Там было поле зеленой высокой пшеницы, обработанной и возвращенной двумя мужиками, что говорило о двух братьях, живущих в избе, или отце и сыне. Последнее оказалось вернее.

Были кони, конюшня, овцы в поле и козы, привязанные к кольшкам у избы. Фруктовые деревья тянулись рядами, главным образом, яблоневые, грушевые и сливовые. Был и орешник, и виноградник, только начинающий пускать лозы, и цитрусовые деревья, не покрытые мешками, пытавшиеся все же расти, борясь с непривычными для них холодами.

Цвело вишневое дерево. Были еще какие-то незнакомые нам ягодные растения, из которых, скорее всего, изготавливались убажывающие вкус вина. Кусты их поддерживались столбиками, стволы был окрашены известью.

Между деревьями были растянута для сушки кожи. На огороде виднелись саженцы летних овощей, – зеленые точки на черноземе, и уже созревшие кочаны капусты, петрушка, укроп и шпинат. Повсюду крутились куры.

Но выделялись из всего этого, главным образом, пасеки. Пчелиные улья были круглой формы, из красной кожи, с угловатыми зазубренными крышками, на которых копошилось множество пчел.

За избой петлял ручей в неглубокой долине, и там, в небольших и мелких прудах гоготали и плавали гуси. Последние пчелы торопились в улья в то время, как мужчины приблизились к избе, обогнули ее, и лай собак вывел из избы ее хозяев. Высокий, худой мужчина с кривыми ногами, наследием верховой скачки в детстве, выделялся также рыжей бородой и пейсами.

Он увидел в руках пришедших флаги с изображением анемонов и колосьев, просиял улыбкой и бросился к ним навстречу, выкрикивая слова благословения, разбросав в стороны руки и громко смеясь, но остановился перед их опущенными лицами и сжатыми губами, и стер с лица улыбку, с беспокойством спрашивая – «Что случилось?»

Мужчины тяжело дышали и были покрыты потом, несмотря на холодный вечер. Они падали с ног от усталости после тяжелого дня.

Ведь прошли девяносто километров за одиннадцать часов.

«Случилась катастрофа», – сказал один из мужчин, – «Убили у нас трех женщин, исчезли двое детей графа».

Рыжебородый опустил голубые глаза в скорби. Затем поднял их и сказал – «Заходите в дом. Вас много, будет тесновато, но мы рассядемся вдоль стен. Я знаю, кто это сделал».

Один за другим, поцеловали они мезузу на боковине двери, вошли в дом, здороваясь в явном смущении, обычном для гостей.

В доме была женщина с черной косой, крупный крепкий юноша лет восемнадцати, мягкий пушок у которого пробивался над его ртом, и две девушки, унаследовавшие голубые глаза от отца. Горячий чай был немедленно подан путникам, которые сбросили поклажу, негромко извиняясь, расслабили ремни. Они были абсолютно вымотаны, оттирали платками лица и шеи, источая довольно сильный запах пота, заставивший хозяйку открыть окно и вежливо предложить горячую ванну.

«Чуть позже», – сказали они и попросили хозяина поговорить и прекратить суетиться с угощением, хотя соленые пирожки и притягивали их взгляд. Они жаждали узнать, что происходит.

Он перестал отлучаться в кухню, и начал свой рассказ в то время, как они пили чай и ели пирожки, начиненные овечьим сыром и молотыми орехами.

Глава шестая

«Сразу же скажу, кто похитил детей», – сказал хозяин, – это властитель Самбатииона, мрачное чудовище, которое живет в реке Самбатиион, и ему подчинены все ручьи в окрестности. Я удивлен, что вы это не знали, и не проявили осторожность, взяв на себя ответственность за детей графа. Тут проходит граница владений этого чудовища, и он совершает ужасные вещи в этих ручьях, что текут по западным границам нашей Хазарии. Даже на миг не следовало оставлять женщин и детей. Боюсь, что вам придется предстать перед судом верховного дворца.

Он приводит в действие ручьи, подчиняющиеся его голосу, может довести воды до кипения, может углубить и усилить течение. Он командует жабами и превращает людей в морских черепаха, и они становятся его воинством. Угри в болотистых прудах закованы в кандалы его власти и бездумно выполняют любой его злодейский каприз. И это лишь часть его злобных замыслов. Лучше всего переходить эти ручьи в пятницу, до наступления субботы. В субботу он не опасен, этот змей. До наступления субботы он занят выпечкой хал, и потому не обращает внимания на тех, кто переходит ручьи. Вас к этому не подготовили?»

«Нет», – сказали пришедшие мужчины почти хором, – «ни о чем нас не предупреждали».

«Но и пятница не всегда безопасна. Если ему необходима жертва, он сделает это и за счет нарушения субботы. С ним договорено – не пускать евреев в Хазарию. Дети, которых он похищает, всегда сыновья принцев, и он продает их вожакам славянских грабительских банд, обитающих в девственных лесах и у болот, за их души, которые он потом превращает в коров. Они продают маленьких принцев властителям южных гор. Горцы немного обучают их и затем продают работоторговцам Византии. Там, в дворцах над водами, любят рабов из аристократической касты, но они не осмеливаются держать в рабстве хазарских принцев, и торопятся переправить их в Италию за большие деньги или драгоценности высшей пробы».

«Значит, дети живы», – воскликнул один из мужчин.

«Живы, живы», – закивали остальные.

«Да, они живы, но трудно поверить, что вы сможете их найти».

«Ну, это мы еще посмотрим», – сказал один из пришедших, имя которого пока не стоит называть, чтобы не сбить читателя таким числом имен, тем, более, также думали все остальные из пришедших мужчин.

Хозяин продолжал:

«Когда-то здесь было много демонов. Я жил с отцом. Когда я был совсем маленьким, отец пришел сюда, поставил избу и первые пчелиные улья. Тогда демонов было здесь несть числа, – лесных, болотных, живущих в табунах диких лошадей. Всех демонов этих или пленил или уничтожил мой отец. Он был великим бойцом. Иногда ему помогала кавалерия, присланная Каганом из Итиля, чтобы изгнать демонов из империи. И в течение времени мы их одолели, остался лишь этот бес – змеиное отродье, властитель Самбатииона. От него не так легко избавиться. Прошло уже тридцать лет с тех пор, как отец мой истребил последнего из демонов. Это был дьявол огня, живущий в кострах путников на дорогах. Из-за него была выжжена и возникла Уманская пустыня, которая была абсолютно безлюдной поколение назад. Все, кто зажигал костер у дороги и засыпал рядом с ним, уже не вставал, и обнаруживал себя в преисподней спустя несколько часов и видел, как дьявол огня получает оплату в золоте от самого Самаэля. Отец мой заманил этого изворотливого дьявола в пещере, соблазнив его небольшим костерком, издающим запах хвойных шишек и ароматного воска. Несколько рыцарей Кагана перекрыли тотчас вход в пещеру после того, как туда вошел дьявол огня. Отец же выбрался из пещеры по петляющей расщелине, в то время как дьявол визжал, изрыгал огонь, пытаясь убить отца, который вылез на поверхность, жуя мятную жвачку, чтобы не свалиться в мертвом сне. Сразу же рыцари завалили расщелину большими обломками скал и влажным скалистым щеб-

нем, приготовленным заранее, таким образом, закупорив любые выходы из пещеры. Дьявол огня сидит в ней и никому не опасен. Он все еще подвывает, но вой его слабеет, прерывается, иногда слышно какое-то бормотание. После пятисот лет заключения он превратится в песок. Я завидую будущим поколениям, они будут жить без демонов, без угроз со стороны демонов и страха перед ними. Даже верить не будут, что вся эта нечисть существовала, как не верят в то, что был всемирный потоп, и он может еще возвратиться, и смыть нас с земли, и мы благословляем раду в облаках благословением без веры, ибо так нас учили наши учителя, и так учили их. Люди хотят слышать правду, но когда им ее рассказывают, они говорят: да это же все придумано, или вообще смеются: ловко ты умеешь сочинять. Читал я об этом в каком-то месте, в сочинении человека, жившего в этих краях. Так или иначе, не осталось почти демонов и скорлупы их, но дьявола этого, Самбатииона, так и не сумели убить. И он победил моего отца тридцать лет назад, в один из жарких дней в месяце Ав, обрушив на него водопад посреди равнины в то время, когда отец готовил этому дьяволу ловушку. Этот дьявол набирал силы из проклятий и ругательств, которые слышал, и есть у него сегодня невероятная мощь от проклятий, произносимых в его адрес на дорогах.

Много лет мы не могли определить, где был промах отца в войне с этим дьяволом. А ведь отец мой были истинным героем, который ничего и никого не боялся, будь то зверь или человек. И вот, десять лет назад прислали мне книгу из Итиля, я покажу вам ее позже, и там записали величайшие знатоки демоны из института стратегических исследований, все, что можно узнать о Самбатиионе. Главный материал был собран из допросов демонов, которые были закованы в цепи из чистого серебра в хрустальных пещерах в утесах над нашим южным темным морем. Попытками, угрозами, но и умиротворением добились того, что они раскололись. Существует ключ, благодаря которому можно добраться до дьявола и убить его. Записали все в книгу. Оказывается, убить его можно, как любого беса, если знать, что на него действует смертельно. Не создают беса без того, чтобы не знать, чем его можно умертвить.

Но для этого нужен девятнадцатилетний юноша из села, соседствующего с Иерусалимом, опытный боец. Если он поразит дьявола стрелой, кремневый наконечник которой стёсан из двух утесов – одного в Негеве, другого – в Галилее, скукожится и высохнет этот повелитель тьмы и черных бездн, и умрет. И тогда откроются все реки и ручьи, которые не дают проходу евреям с запада прийти сюда и жить с нами в великой иудейской империи. Но нет у нашего Кагана достаточно денег и истинных бойцов для защиты империи, да и нет времени, чтобы отправить делегацию в страну Иудею на поиски этого села в Иерусалимских горах. И там отыскать юношу девятнадцати лет, который еще не забыл искусство войны и отлично стреляет из лука, чтобы попасть в дьявола, бесящегося среди сильных струй воды, и прикончить его одной стрелой, раз и навсегда».

Мужчины с большим вниманием слушали рассказчика, не прерывая его. Много предыдущих планов было изменено после этого рассказа.

* * *

Тем временем, девушки объявили, что купальня готова. В течение часа все помылись, и выстиранные их одежды после стирки сушились снаружи.

Домашняя атмосфера, усталость после тяжелого похода, не говоря уже о горячей воде, заставили всех провалиться в сон. В доме не было места всем шестерым, потому мужчины спали на свежем воздухе, без охраны, полагаясь лишь на собак, на покой страны Хазарии и на уверения хозяина, что псы не дадут чужаку приблизиться, войдут в бешенство до того, что перегрызут ремни.

Мужчина спали на земле, закутавшись в меховые шубы, и утренний холод их не пробрал.

Лишь с восходом солнца многие проснулись, и увидели над головами полотняный навес, закрепленный колышками в земле, так, что солнце не слепило в глаза, и не могло их уморить жаром в их шубах. Они выползли из шуб, из-под навеса, взъерошенные, сидели, протирая глаза. И смеющиеся девушки, менее стыдливые, чем вчера, говорили им: «Доброе утро, сейчас принесем вам медовые пироги и кофе.

«Нет, спасибо», – отвечали мужчины, – мы не хотим вас беспокоить и загружать лишними заботами, у нас есть своя еда».

«Какие могут быть беспокойства и заботы? – отвечали девушки. – Знаете ли вы, сколько у нас медовых пирогов? Горы».

«Мы должны продолжать наш путь», – бормотали мужчины, вспомнив, что все еще не решили, когда выходить.

«Оставайтесь еще немного», – говорили девушки голосами, в которых чувствовалась ласковость, искусно скрываемая. Тяжело было встать и вот так, сразу, покинуть гостеприимное место.

«Подождите, пока вернется наш отец и братья», – продолжали девушки, уже чувствуя, что их желания побеждают и добавляя доводы, – они вам должны еще кое-что рассказать, что важно для вас. Мы живем в этой пограничной полосе много лет, и вам следует еще услышать несколько советов».

Ну, конечно, не это было главным поводом, заставляющим их не торопиться в путь, но это давало истинным доводам верное направление, так, что причина их задержки открылась им самим.

Глава седьмая

Одну из девушек звали Дебора, а другую – Эстер. Деби и Эсти. Деби было восемнадцать лет, Эсти – шестнадцать с половиной.

«В кого ты влюбилась?» – спросила вечером Дебора Эстер деловым голосом, как бы говоря, вперед – за дело. Они сидели во дворе, в ночном мгле, после того, как мужчины ушли спать.

«Скажи ты первой, – сказала Эсти, сорвала горсть травы, и, смеясь, швырнула ее в Деби.

Деби, словно бы сама удивляясь тому, что собирается сказать, почти зашептала голосом, парящим от скрытого наслаждения: «Я влюбилась в этого, который сидел около отца, с черными глазами, кучерявого. Не так уж он красив, но есть в нем что-то, шрам на щеке («Ихс», – сказала Эсти). Он так смотрел на меня. Он думал, что я не чувствую этого. Зовут его Давид».

«Он? – удивилась Эсти. – Да, я заметила, что он без всякого стыда смотрел на тебя. Я думаю, он вообще ничего не слышал из того, что рассказывал ему отец».

И обе смеялись.

«Теперь твоя очередь», – сказала старшая. Они говорили, почти прижавшись головами, почти неслышными голосами, скорее, шевелением губ. Некоторые из слова обозначали знаками, это был древний способ девушек обмениваться словами, которые никто не должен слышать в домах с тонкими стенами, в которых проживали большие семьи, в домах, скорее похожих на общежития в дни средневековья во всем мире, особенно в Хазарии, где стены были из кожи и дерева. Это, пожалуй, были не дома в истинном смысле этого слова, а, скорее, шатры.

«Ладно, – протянула Эсти, – есть там парень по имени Ахав. У него такие гладкие щеки, золотистые волосы. Сладкий такой».

«Кто это? Я не заметила».

И они стали искать другие признаки, чтобы определить, о ком идет речь.

«Этот, который первым испугался?»

«Нет, нет, не он».

Обе задумались.

«Он спросил о чем-то отца посреди рассказа».

«Да? Не заметила», – сказала Деби.

Наконец пришли к решению.

«Я тебе покажу его утром», – сказала Эсти, что и сделала легким прикосновением к руке сестры, когда парни, слегка опухшие от сна, выползли из шуб на свет божий, раздраженные собственным видом в глазах смеющихся девушек.

Девушки уже скатывали навес, обнажая тень ночи перед рассветом над головами гостей которые все еще подремывали под укрытием шуб, влажных от росы, выглядящих горой медвежьих шкур, так, что нельзя было различить, кто под ними.

Вид Ахава в этот час не был весьма впечатляющим. Но затем явно улучшился.

Эсти Элисар, высокая, тонкая, с нежным лицом, голубыми глазами. Сестра ее более светла, во взгляде некий неуловимый блеск. Может быть, я это говорю, потому что люблю ее, гладкокожую, золотоволосую, зеленоглазую, словно зрачки ее улавливают озонные блески зелени дальних пространств. В общем-то, я зря сказал раньше, что у той и другой голубые глаза, когда еще не пригляделся к Деби. Она не столь тонка, как ее сестра. У нее большая полная грудь, но небесно легки, словно бабочка, присевшая отдохнуть, внезапно разворачивает крылья перед глазами ошеломленного мира.

И у той и другой со всей их потрясающей красотой в хрупком и львином вариантах, нет ни помолвленного, ни жениха. Нет вообще мужчин в округе на расстоянии двухдневной скачки

в сторону ближайшего еврейского поселения. В других же направлениях вообще не было ни поселений, ни единого человека, даже если будешь скакать и скакать в бесконечность.

Лежа в постелях, девушки продолжали мечтать о своих избранниках, все более в них влюбляясь.

Сколько раз сидели они всей семьей за долгим ужином вокруг стола, после того, как завершали рассказ об охоте в тот день, об извлечении меда из сот, о цветах, о сушке персиков, о высоте пшеницы в поле, об уборке и готовке, о починке крыши и конюшен. После того, как спели веселую песню о пении стрел и ржании коней, песню, которую поют юноши Хазарии у костра, после боев, когда они поражали стрелами плечи и спины врагов, как бы косвенно, всегда после укоров дочерей родителям, мол, «Что с вами?», возникал вопрос о женихах.

«Что тут говорить, – вздыхал отец, – надо переезжать жить в Кохоли. Имя отца было – Гади. Все его звали – Гади. Он любил громким голосом формулировать правильные выводы.

Всегда его упрекали за эту глупую идею – переехать в город. Но, по правде говоря, это была единственно верная идея. В том месте, где они жили, в том невероятном одиночестве, не было никакого шанса девушке обрести жениха, как и парню – найти подругу жизни. Ведь и сам Гади, будучи юношей, поехал однажды с отцом в Керчь с крупной партией заказанного меда, два месяца загорал и купался в море, там же, на берегу узнал Малку, будущую свою жену, которая сверкнула перед ним, как редкая цветная птица, внезапно возникшая из гущи деревьев.

Не будем говорить о том, что мать Малки не знала, об этом собирателе меда, который любил ее дочь в летние вечера в одном из врезанных в берег заливов, и она забеременела. Умолчим о том, что они должны были втроем, он, Малка и отец, бежать одним ранним утром, до восхода и открытия таможни и поднятия шлагбаума, за что еще Гади придется расплачиваться, исчезнуть, как монета, которая закатывается в какую-нибудь щель среди пчелиных ульев. Это он никогда не рассказывал детям. Да и вообще никому. Это необходимо было скрывать. «Ага, – скажет слушатель и читатель, – а где же пояс скромности Малки?» Поэтому лучше – ни звука об этом.

С момента ее появления в усадьбе, они не ездили никуда. Первенец их Ашер был зачат рядом с раковинами на берегу, в ворованных сумерках, и родился в их маленьком хуторке пчелиных ульев. Затем население хуторка увеличилось до четырех, с рождением нового ребенка. А позже родились и две дочери. Как говорится, Всевышний создает форму, а она, в свою очередь, творит множество форм, ведь сказано «плодитесь и размножайтесь». Отец Гади ушел из жизни, так и не увидев третью внучку, а Малка перестала рожать.

Никто из родившихся детей не умер. И так они растили детей среди зелени и цветов, среди бобовых плодов и груш, на молоке и меде. И урожаи злаков и плодов обеспечивали семью с избытком.

Купцы скупали мед и воск, трижды в год приезжая с востока, с мест человеческого проживания. Жили неделю в палатках, привезенных ими с собой. Привозили Гади и Малке вещи, которые создавались в империи, платили за товар, брали бочки с медом и воском, горы шкур, и уезжали к себе домой.

Это были недели, когда на девушек не обращали особенного внимания, за исключением новых тканей, которые они получали, медных колокольчиков или новых филактерий для молитвы. Большинство купцов были людьми пожилыми. А молодые, сопровождающие их, были рабами-турками, поляками, болгарами.

Безопасные дороги, покой, изобилие и порядок в Хазарской империи давали возможность пожилым купцам совершать такие дальние переходы на двадцати мулах, нагруженных дорогим товаром, золотыми монетами, шариками бирюзы, без боязни нападения разбойников и грабежа.

Глава восьмая

В десять утра, в весьма ранний час для завершения рабочего дня, вернулись Гади с сыном на двуколке, распевая в два голоса песни.

За их спинами была поклажа, кузнечные меха, детали центрифут, которую необходимо было срочно починить. С раннего утра они совершили различные приготовления в мастерской по изготовлению инвентаря для ульев, находящейся у плотины, перекрывающий ручей, воды которого крутили колесо, отделяющее мед от воска сот. Эта же сила воды использовалась для помолы, благодаря ряду машин, соединенных приводными ремнями.

«Эгей», – обрадовались они тому, увидев на хуторе молодых людей, – как хорошо, что вы еще не отправились в путь».

Гади шумно соскочил с телеги, пригладил свою рыжую бороду и приблизившимся к нему гостям сказал: «Оставайтесь до воскресенья. Сегодня четверг, завтра пятница, вы не успеете далеко уйти, как вас застанет суббота. Оставайтесь, мы хотя бы сможем вместе с моей семьей составить миньян».

«Мы очень торопимся, и так потеряли здесь много времени. Не можем мы сидеть и наслаждаться в таком прекрасном месте в то время, когда граф ждет нас и своих сыновей. А муж больной женщины ждет лекарства, из дальних краев для китайского врача, у которого в сундучке редкая пыль скал. Ничто не может оправдать нашу задержку с сообщением о смерти дорогих им людей и исчезновении их сыновей».

«Но вы не сократите дорогу, если уйдете сейчас, – усевшись на толстый сруб дерева. Он понимал справедливость слов путников и продолжал говорить тихо, как бы размышляя: «Если вы останетесь здесь до воскресенья, я дам вам четырех быстрых коней. Вы сможете добраться до города вашего графа за три с половиной недели вместо восьми, так что, даже задержавшись здесь, вы доберетесь гораздо быстрее».

«Коней? – удивились мужчины. – Дай нам их сейчас. Пожалуйста».

Им надо было одолеть тысячу пятьсот километров, пересечь всю Хазарскую империю до берегов Хазарского моря, до города на самом выступе континента – Лопатина.

«Сейчас нет», – сказал хозяин, и если это выглядело как шантаж, то это именно и был шантаж. Когда живут в таком одиночестве, то шантажируют также с целью задержать людей. И еще быть может, это заставили его сделать дочери, чьи груди так вызывающе выделялись под платьями.

Он не задумывался и не собирался делать этот разговор более приятным: «Сейчас я вам коней не дам, ибо вот уже шесть месяцев я не исполнял утреннюю субботнюю молитву в обществе евреев. Я хочу видеть вокруг себя людей, закутанных в талесы. Да, я жажду исполнить эту заповедь».

И это была правда. И даже если она была неполной, довод был ясен и уважителен. Одиночество в таком хуторке на окраине Хазарской империи было воистину ужасным. И свиней они выращивали скорее, чтобы развлекаться с ними, или занимались явно ненужными для хазар вещами, которые оставляли им проходящие чужестранцы, как, например, вазы для цветов или уродливые диваны для салонов, которые они собирали для хуторян.

Мужчины сделали быстрый расчет, в котором фигурировали доводы, которые мы можем здесь привести, ибо знакомы с их мыслями, не высказанными ими вслух: «Да, субботние молитвы, когда не хватает двух до десяти участников, проблематичны. Мы должны излить чувства наших сердец перед Создателем, исповедаться Святому, Творцу мира. Кони, конечно же, гораздо скорее приблизят нас к тем, которые с нетерпением нас ждут, и нам и вправду необходимо услышать от хозяина еще данные, чтобы знать, как вернуть детей и как уничтожить это чудовище – черного Самбатина». Доводы нагромождаются быстро.

Двое из парней кинули быстрые взгляды на двух девушек, а те вернули им взгляды и улыбки, и Дебора ловко выхватила дорожную сумку из руки приглянувшегося ей парня и крикнула: «Все, все, вы остаетесь здесь. Сумку свою ты не получишь». И убежала, громко смеясь.

«Отдай мою сумку, – рассердился молодой человек и побежал за ней, – сейчас отдай сумку».

Но она вбежала в глубину конюшни, а он – за нею. Нам хорошо знакомы эти глупости: ими отлично пользовались в те дни, как и сейчас.

Глава девятая

Конюшня была длинной. В воздухе ее стоял смешанный запах соломы, скошенных коло-сьев и конского помета. Шесть коней, по трое с каждой стороны, переступали копытами в стойлах. Два стойла были пустыми. Кони ели из корыт жито, смешанное с медом, что портило им зубы, но делало их жизнь сладкой и чудесной в этом небольшом местечке, затерянном на окраине Хазарской империи.

Когда Дебора исчезла в глубине конюшни с сумкой, Эстер подумала, что в чем-то прогадала: «И я должна была сделать так с приглянувшимся мне парнем», – подумала она про себя, но понимала, что сейчас, после поступка Деборы, это будет плохо выглядеть и не принесет ей никакой выгоды.

Ахав же вошел в конюшню вслед за Деборой с глупой улыбкой на лице, говоря с угрозой, звучащей уж совсем нелепо: «Отдай мне сумку, она моя».

«Она моя, она моя», – перекиривляла его Деби. Удивительно, как все эти игры не меняются со временем, поколениями, расами, модами на полноту или худобу, народами и верами, переходя от всадников к морякам, от бойцов, несущих легкое оружие за плечами, до борцов за права человека, несущих записанные на бумаги декларации в своих карманах. И так же сила зеленых глаз с карими блестками не изменяется.

Она спряталась за крупом серой в крапинку лошади. Он прыгнул внутрь стойла, пытаясь протянуть руку через спину лошади, затем под ее животом, чтобы дотянуться до сумки. Но ничего не добился, вызывая еще более сильный смех Деби.

«Ага, – сказал он, – сейчас увидишь». И закрыл дверцу в стойло.

«Что ты делаешь? – испугалась Деби, глаза её заблестели. – Ты с ума сошел, дай мне выйти. Лошадь начнет беситься и побьет нас. Ты же не знаешь ее нрава. Это сумасшедшая лошадка. Спокойно, Лилит, спокойно».

«А мне все равно», – сказал он и рванулся вперед.

Она замешкалась, не успев отпрянуть, он сумел схватить ее, потянуть к себе, заломить ей руку и забрать сумку. Она закричала: «Ой, ай, оставь меня, оставь, болит же, болит».

Она потеряла руку: «Уф, мог бы быть поосторожней».

«Научись не хватать мою сумку».

Она облокотилась о Пилит и погладила ее. «Как тебя зовут? Меня зовут – Дебора».

«Я знаю. Я – Ахав».

«Ахав», – протянула она, словно бы пробуя это имя на вкус.

«Можешь меня звать – Ахи. Меня все так зовут».

«Ахи», – повторила она. Это действительно звучало лучше, но ей не понравилось.

«Так вы разводите пчел?» – спросил он.

«Да. Отец мой и брат Довалэ этим занимаются. И еще пашут. Они выполняют всю тяжелую работу. У нас же, женщин, жизнь здесь весьма приятна. Не то, чтобы я была в других местах, но слышала о том, что дома переносят с места на места, и женщины должны это делать все время. Не хотела бы я жить в доме, который все время переводят, как это происходит в городе».

«У вас прекрасные кони, – сказал он, поглаживая лошадь, – и у меня должен был быть конь. Если бы это путешествие с целью привести домой детей графа завершилось удачно, я бы за это получил лошадь. Таков был договор. И с этим обещанием мы вышли в дорогу, шестеро парней, мобилизованных в городке графа. Добрались мы до чужого государя, увидели каменные дома, и не спрашивай, насколько потрясают эти строения, каменные башни, стены. Забрали мы детей, с ними еще больную женщину из нашего народа и двух итальянских евреек,

которые были служанками, отпущенными на свободу. Построили мы носилки, и вышли в путь до того места, где этот дьявол прибил нас».

Деби сосредоточенно слушала. Спросила: «Сколько тебе лет?»

«Двадцать два».

«А мне восемнадцать».

«Давай, выйдем отсюда», – сказал и ухмыльнулся. – Еще подумают, что здесь что-то делаем неповадное. Родители твои, наверно, уже с ума сходят».

Легкий анализ этих слов показывает, что Ахав немного смущен и немного по-заячьи труслив.

«Пусть думают, что хотят, – сказала Дебора, – я уже не маленькая».

Несомненно, он понял намек, и следует использовать подвернувшуюся возможность ее поцеловать. Но все же он думал, что это слишком рано, и он может ее испугать, и такие мысли в этот момент ее вообще не посетили. И потому решил отложить поцелуй до другого раза. И это было плохое решение.

«Ну, давай, выйдем», – сказала она после нескольких секунд, во время которых ничего не произошло, и она поняла, что ничего и не произойдет.

«Давай, выйдем из конюшни, посидим так, чтобы нас видели, поговорим, хорошо?»

«Хорошо», – согласилась она, но без особого энтузиазма. Думала же она, примерно, так: «Почему никто меня не понимает? Что, ему требуется особое приглашение? Уверена, он просто меня не хочет. Я, вероятно, не красива в его глазах. Вот же дурак, и кому он вообще нужен. С ума сойти, какая тоска. Если в этот раз я не смогу соблазнить мужчину, когда еще представится случай, и появятся здесь такие симпатичные парни. Не должна я рассиживаться и беседовать с ним. Надо было мне выбрать кого-либо другого из них, который более расторопен в этом деле. Ведь я вначале выбрала Давида. Как я оказалась с этим здесь?»

Он окинул в последний раз взглядом коней, открыл дверь из конюшни, тут же замер и пощупал стену, разделяющую стойки. Стена была окрашена в зеленый цвет. «Что это? – спросил Ахав. – Камни?»

«Да, каменная стенка».

«Но это же запрещено».

«Глупости, кто проверит».

«Но мы же хазары, – сказал слегка сбитый с толку Ахав, – нам запрещено строить из камня».

«Ну, запрещено. Но это же только стена, разделяющая стойки в конюшне. Это не жилой дом».

«Не важно. Никакой разницы. Хазары не строят из камня».

«Если ты хочешь знать, отец, брат и мы, сестры, построили каменный дом в лесу. Я тебе его покажу. Если захочешь, можешь пойти туда жить со мной».

«Шутка», – добавила она через пару секунд.

«Ты действительно этого хочешь?»

«Я знаю? Жить там приятно, ты увидишь. Но ты, верно, хочешь вернуться в свой город. Что тебе искать в этом уединенном месте с пчелами и рыбами?»

Ахав приблизился к ней. Они еще не вышли из конюшни, лишь собираясь это сделать. Он выглянул через окно, но увидел, что они вдвоем надежно укрыты от взгляда снаружи. Сердце его лихорадочно билось от страха, что он потерпит позорный провал. И он спросил (она ясно почувствовала дрожь в его голосе): «Можно тебя поцеловать?»

«Попытайся». Шепот слышал в этом слове тот, кто умеет слушать.

Между нами, он уже собирался отказаться от затеи, и все же, слава Богу, не отказался. Нагнулся над нею, и она чуточку отступила, рискуя испортить все. Но он подался вперед, и, наконец, свершилось то, чего мы с нетерпением ожидали: они поцеловались. Обнялись и еще

раз поцеловались. И еще. До тех пор, пока она, повинувшись женскому инстинкту, чувствуя грань, которую опасно переступить, ибо не будет возврата, сказала: «Ахав, хватит!»

Какое хватит! Надо было еще, и еще. Он не мог насытиться. После последнего поцелуя они вышли из конюшни, и присели на обрубок ствола, напротив корыта. Деби помахала матери, которая подумала про себя: «Что-то из этого выйдет. Уверена, что-то выйдет».

Она уже развивала в мыслях мечту матери о женихе для дочери, который будет всегда под рукой, будет вставать утром с приветствием – «Доброе утро, мама, прекрасный кофе вы сварили для меня, мама», будет молиться, благословляя и хваля утреннюю глазунью. Утром он будет объезжать дикого коня, днем начищать меч и оттачивать лук, вечером пошлет стрелы в стрижей.

После нескольких минут их беседы, возник шум у дома. Деби и Ахав пошли туда. По пути Деби обернулась к нему умопомрачительным движением всего тела и сказала: «Ну, пока, я ухожу».

«Я увижу тебя позже?» – в голосе Ахава хозяйственные нотки мешались с явным беспокойством.

«Да», – сказала она, все же не одарив его своей обворожительной улыбкой, делающей это «да» более интимным. Она поспешила войти в дом, а за ней вбежала ее сестра.

«Ну, что?» – спросила она Деби.

«Есть!» – подняла она руки в знак победы.

По сути, слово это употребляемо в настоящее время. Этот фокус используют некоторые писатели, чтобы приблизить мысли и чувства далекого прошлого, что и вправду не слишком изменились, несмотря на иное правописание и состав слов. Удивительно то, что девушки именно использовали это слово, да и парни Хазарии, имея в виду небольшие, но для них весьма важные достижения. И этот смысл сохранился до наших дней. Ну, пожалуй, в этом пункте для рассказчика этой истории была определенная легкость. Но совсем не так в отношении других бесед, дел, событий, домов, ульев, носилок, лошадей. В отношении книг, мечей, тканей, эха долин, принцев, синагог, шалунов, прокрадывающихся в конюшню, чтобы дать пинка в брюхо лошади, так, что она теряет дыхание от боли. В отношении не возведенных башен, мостов, деревянных стен, кочующих городов, фанеры, разных популярных предметов и тридцати двух образцов форм Хазарской империи, гигантского иудейского государства. И время, описываемое в этой книге – конец девятого столетия, примерно, сто лет с момента принятия Хазарией иудаизма, и почти за триста лет до ее падения.

Но почему, почему это случилось? Как эта империя пала и исчезла, и ничего от нее не осталось, за исключением конских следов на песке и следов саней на запад-северо-запад, которые покрылись травой спустя два месяца начала двадцатых годов тринадцатого столетия, и все. И ничего, кроме этого, не осталось. Не найдено и не раскопано.

Глава десятая

Деби была среднего роста. Тело сродни формам богини Астарты, ни один взгляд не оставляло равнодушным, кожа бела и чиста, как небо месяца Элул. Она захватывала сердца, вздымая их на эшафот для отсечения. Такова она была – Деби. Глаза – как два прозрачных озера. Но светлые глаза – вовсе не редкость в Хазарии. Светлые волосы спускались длинными прямыми прядями по обе стороны жизнерадостного лица. Носила она штаны из кожи. Ахав глядел ей вслед: девственность и распутство сливались в ней, обнимались и смеялись, одно на плечах другого, как две тайные подруги. Он смотрел, млея и теряя ясность взгляда от ее ослепляющей красоты, чмокая губами, словно высасывая сладкую мякоть из виноградины. Невидимая ее сторона очаровывала с той же разрушительной силой, как и видимая.

На девушке были штаны из светлой, естественной и красиво сшитой густыми стильными стежками мягкой кожи, обрамленные мехом и рубашка, белая, с воротничком и пуговицами, внушающими надежду мужскому взгляду, и вышивкой желтыми крестиками по белому фону, образующими неожиданные сочетания. На плечи был наброшен кожаный жакет, в руках она держала большой шарф, размером с одеяло из легкого пуха. Было жарко, потому она несла его в руках. Но в этих краях в это время года жарко, а через мгновения – холодно, и потому нужен был этот шарф, купленный у проезжих сарацинов.

Вид ее был ошеломляющ для того, кто поцеловал ее всего лишь миг назад. И Ахав ликовав, расчувствовался, сбросил обувь и погрузил ноги по колени в священное море. Что ж. Пока он тут и останется. Она явно отнеслась к нему серьезно. Такую девушку он никогда не найдет в другом месте. Тут он преуспел, ибо нет других мужчин рядом. Тут он царь. Ибо тут он представляет то, что есть. И как это хорошо, что он пришел сюда, в это заброшенное место, – один дом, и несколько складов, и конюшен, и коровник, и куры, место обитания которых он еще не определил. Да, и еще эти пчелы, и улья. Жалят ли они, нет? Бояться нечего. Семейка знает, как с ними обращаться. Научат и его.

Семья ее – золото. Какой отец, да и мать в порядке, и юноша-сын. Примет его, как мужа сестры, свояка. Последнее слово он произнес впервые. Видно, здесь богатство немалое. Особенно от меда. Будет и его доля приличной. Пришло время везения, очерчивающее птицами круги над ним. Осталось лишь завершить их странствие, которое пока неудачно оборвалось. От этой мысли в животе оборвалось, холодно стало ему и горько от ужаса воспоминания. Вышло, что это все же не лучший день в его жизни, каким бы он мог быть.

Глава одиннадцатая

Эсти тоже повезло. Рыжая добилась своего. Шум, который заставил Деби встать с места, где она сидела с Ахавом, и уйти в дом, по сути, был спором по поводу обеда. Давид, из мужчин-гостей, требовал прекратить лишние заботы, ибо им достаточно пары сухарей и квашеной капусты, еды, которую они носят с собой. Хозяйка возмутилась, и тут вмешался сын Довалэ и спросил: «Который час? Всего лишь одиннадцать? Я сейчас поохочусь на гусей, принесу восемь-десять, нарежем их и поедим».

«Я иду с тобой», – сказал Давид.

«И я, – сказала малышка, – иду с вами».

«Ну, так и я присоединяюсь к вам», – сказал один из гостей, лысеющий мужчина.

«Ах...» – сказала Эсти сердитым или, скорее, взволнованным голосом.

Брат сразу понял намек и сказал мужчине: «Нет, нет. Оставайся здесь. Это лишь мешает. Мы идем на очень крутой берег с глубокими ущельями. Как тебе объяснить, не будет места всем, гуси просто улетят, пока мы будем скользить в грязи».

Позже Эсти поблагодарила его за такую быструю и изящную ложь. И так они вышли с ловушками и сетями, макетами гусей и квакающими свистками. Это весьма нелегкий и не очень успешный способ охоты за гусями, ибо гораздо проще сбивать их стрелами. Но, дорогие читатели, вы ведь евреи, как и те хазары, и отлично знаете, что гусь, убитый стрелой, не кошерен. Его надо поймать живым, зарезать, а затем, пожалуйста, ешьте сколько вам угодно.

И не было лучше ловцов в капканы во всем тогдашнем мире, чем хазары, мастеров по ловкам в охоте на гусей. И, вероятно, не будет преувеличением сказать, что они по сей день являются лучшими специалистами во всем мире по изобретению самых изощренных ловушек.

В Итиле, столице Хазарии даже был исследовательский центр по изобретению ловушек, и каждое новое усовершенствование сразу же распространялось среди мэров городов, графов, деревенских аксакалов, и раввины рассказывали об этом в синагогах в специальные дни показа образцов, которые внедрялись немедленно после изобретения.

Хорошая охота это заработок, и мясо всегда было в избытке, не говоря уже о кроликах, миллионы которых развелись на землях Хазарии, но охотились за ними лишь для получения меха для домашних туфель и женских перчаток или для корма собак и кошек. Это была легкая охота при помощи стрел, ибо кроликов едят лишь псы и кошки.

Итак, вышли на охоту Эсти, ее брат и Давид. На обратном пути впереди шел брат, неся мешок с гусями, не менее двенадцать килограммов, а Давид и Эсти шли за ним, не переставая разговаривать друг с другом, словно пребывая во сне, душа в душу. Но Давид сумел еще, преодолев волнение, добиться реального успеха, спросив равнодушным голосом, сможет ли она с ним встретиться вечером?

И она ответила согласием, и голос вовсе не был равнодушным.

Он спросил, где они могут встретиться.

И она сказала: на пасеке. В темноте она зажжет факел, чтобы он не заблудился.

Но сначала была трапеза с гусиным мясом. Благословили еду, произнесли вечернюю праздничную молитву почти в составе десяти мужчин, чего давно не было в этом доме и заброшенном месте, окруженном степными звуками, голосами зверьков и кудахтаньем кур, на границе между царством дьявола Самбатииона и гигантской империей буйных степных всадников-евреев, тоскующих по горе Мория, служащих Кагану и Всевышнему.

Глава двенадцатая

Ночью, в мягкой постели, сестры делились впечатлениями до самой мельчайшей подробности. После всех разговоров, смешков, вскакивания и восклицаний типа «Не поверишь» и «С ума сойти», Деби сказала младшей сестре: «Самое смешное, что мы обменялись парнями. Ты с тем, кого я хотела, а я с тем, кого хотела ты».

«Так, в конце концов, получилось, и это вправду смешно, – ответила рыжая, и обе снова рассмеялись, и каждая заснула со своим парнем в сердце.

Следующий день был пятничным, легкий утренний туман стлался по земле. В такое утро раковины на берегу моря знают, что их собирать не будут. Мужчины встали рано и потребовали работу на хуторе, хотя бы до обеда. И было решено, что они починят забор вокруг пасеки. Мед начал накапливаться, и пчелы должны прилететь. Работали в поте лица, и когда солнце достигло зенита, послышался удар о медную трубу у дома, и все пошли есть салаты и сыры. Болгарская брынза была очень вкусной и жаль, что в те времена не было рынков.

Перед десертом – яблоком в меду, которое немного надоело обитателям дома – сказал хозяин дома Гади по наущению жены Малки: «У меня шесть коней. Два должны остаться. Четырех берите. Но вас шестеро. Двое из вас должны остаться. И я с радостью приглашаю остаться с нами Ахава и Давида».

Намек был настолько прозрачен, что кто-то ухмыльнулся, кто-то покраснел. Но после того, как это было столь ясно сказано, всем полегчало. Чудесная суббота началась зажиганием свечей и небольшим утренним походом по окрестностям. После обеда все легли поспать, наслаждаясь тихим и чистым воздухом. Вечером, на исходе субботы, ждало всех небольшое празднество – венчание Деби с Ахавом и Эсти с Давидом.

С наступлением темноты пары разошлись – одни в конюшню, другие – на пасеку. Остальные готовились к завтрашнему отъезду, пополняя запасы корма и воду для коней, соорудили седла, ибо у Гади не было достаточно седел, и легли поспать.

Рано утром они уже мчались на восток, и ритм быстрой скачки сливался в них с ритмом крови в их жилах, поглощая километр за километром зеленые пространства империи.

В первый день они лишь встретили одинокого ковбоя, который гнал огромное стадо бизонов к бойне, где с них сдирали шкуры.

Остановились на ночь, дали коням зерно, приправленное сладкими кусками сухого теста, напитанного сахаром, а сами же влезли в спальные мешки из волчьих шкур, и спали до первых лучей рассвета.

И на второй день пространство было пусто. Сто пятьдесят километров проскакали они на восток, в сторону Хазарского моря. По дороге встречались редкие хутора, главным образом, тех, кто выращивал ястребов. Иногда возникали деревеньки в четыре-пять домов, и среди них – синагога, над которой развевались флаги, и белый столб дыма поднимался над этой деревенькой, что радовало немного сердце посреди бесконечного скучного зеленого пространства, простирающегося, насколько хватало глаз.

К вечеру, готовя привал, увидели огни на холме – огни нескольких крупных сел и первого города на пути – Кохоли. Наутро, после двух часов пути, они добрались до города.

Глава тринадцатая

В Кохоли они не задержались. Городок был в стадии разборки и переноса на летнее место, и они проскакали по центральной улице, между кожаными разрисованными домами. Кохоли был знаменит своими расцветками, и рисунки на кожаных стенах отличались богатством редких оттенков синего ляписа и лазурита.

Дом кагана Кохоли уже был разобран и упакован в пронумерованные ящики, которые должны были быть погружены на колонну телег, перевозящих их из зимнего Кохоли в летний. Сам каган уже был в летнем городке. Это их спасало от необходимости посетить его и рассказать ему о своей неудаче. В этих пограничных городках каждый проезжий обязан дать отчет о своем странствии.

Помахав бегущим за ними детям и раздав мешочки с жареными каштанами, они поскакали дальше. От Кохоли уже шли ясно означенные дороги через бескрайние равнинные пространства империи с дорожными знаками на перекрестках и мостами через реки, паромами, перевозящими через озера, гостиницами с примыкающими к ним большими стоянками, синагот с тысячами молящихся, дорожными ресторанами и пивными барами. Проносились порты, верфи, посольства, судебные здания, школы, ешивы, подпольные публичные дома, городки и города. И все было построено из толстой кожи, дерева и шелка. Все можно было разобрать и снова собрать. Во всей гигантской иудейской империи не было ни одного дома из камня.

Глава четырнадцатая

Они преодолели триста пятьдесят километров вглубь империи. Оставалось еще тысяча сто пятьдесят километров до места их назначения – небольшого полуострова, выдающегося в Хазарское море, на краю которого находился город их графа – Лопатин. На тысячу пятьсот километров с запада на восток простиралась держава иудеев. И они пересекли ее, двигаясь днем и отдыхая ночами в селах.

Теперь дороги были полны караванами, отрядами всадников, сверкающих штыками и медными ярко начищенными шлемами, отражающими последние блески лучей заходящего солнца. Школьные экскурсии обдавали внезапным шумом и хохотом. Раввины в черном шли группами. Перевозчики золота и перевозчики соли торопились по делам. Огромные площадки на колесах тянули быки, везя крупные глыбы зеленого мрамора с северных гор на юг, в Византию. Сотни длинноногих ослов, нагруженные связками шкур, также шли на юг, создавая пробки на перекрестках, через которые шел поток телег, перевозящих желтолицых рабов с востока на запад.

Везде слышались песни о козленке из Пасхальной агады, и жители домов выносили вещи на воздух, чтобы проветрить их после зимних месяцев.

Приближался праздник Пейсах. Гигантская Хазарская империя, самая большая из когда-либо существовавших в мире государств Израиля пекла мацу. В роскошных домах из шкур и кожи мужчины мечтали о курином супе и кнейдлех.

Глава пятнадцатая

Какой прекрасной была империя, какой огромной, богатой. Сколько в ней было духа, сколько мощи. Сколько духовных ценностей, сколько иврита, сколько воды, сколько зимних бурь, сколько книг. Сколько колыбелей, могил, сел, сортов белого сыра, городков и городов, мостов, бизонов, гусей, мяса, овощей, зерна. Сколько песка в мешочках с земли Израиля, сколько сортов рыб. Сколько роскоши в расшитых золотом занавесях, прикрывающих свитки Торы в синагогах. Сколько фабрик и мастерских, где ткали ковры, магазинов, где продавали шелк со скидкой женам солдат, сколько книг Торы и Талмуда в твердых переплетах, сколько масок на Пурим, хранимых в шкафах от праздника к празднику, сколько восьмисвечников к Хануке, меховых шуб и фабрик, шьющих эти шубы, сколько подсвечников. Сколько рыжих бород терлось о розовые соски и провозглашало «я люблю тебя, Эстер», Рахель, Бела, Лея, Сара, Рина, Ципора, Михаль, Плана, Хава, Рут, Ривка, о Рива моя, Рива. Сколько трав срезали, сколько фиников в подземных хранилищах, железной руды только в городе Керчи, луков, сделанных из сосны. Сколько годовых выставок изделий из соломы, нефти, географов, мусульман, христиан. Сколько бесовских голов, хранящихся в банках.

Мы говорим о девятом веке, ведь так? Семь поколений после принятия хазарами иудаизма, и семнадцать поколений до того, как поглотила их земля. Сотни лет текли потоки евреев в это чудо-страну, которая потрясала воображение иудеев в Вавилоне, Мидии, Малой Азии, земле Израиля, Египте, Болгарии, Греции, Риме, Карфагене, Галии, Испании и на берегах Французской Ривьеры.

Евреи семьями перебирались в Хазарию, женились и выходили замуж за хазар, учились есть блюда из карпа и старались отвыкнуть от некошерной икры, пока не вышло галахическое разрешение его есть. Смешение чернобородых евреев мира с рыжебородыми хазарами закончилось победой рыжих. Золотоволосые служанки, которые не сумели противостоять страсти господ, рожали детей, чьи волосы были льняного цвета, особенно у девочек. Дети проходили обряд перехода в еврейство и внесли в среду евреев много блондинов.

И ничего не помогало. Пока служанками были шведки, хозяйева в любом темном углу распускали руки, несмотря на упреки жен и проповеди раввинов, которые тратили уйму времени на вопрос о запрещении вводить в беременность служанок-шведок и даже издали по этому поводу специальное галахическое постановление.

Самые красивые всадники Хазарии были блондинами. Они скакали бесконечными шеренгами, день за днем, месяц за месяцем и все не успевали обогнуть по границам всю империю, что обязан сделать хазарский всадник, чтобы получить офицерское звание. Дворцы офицеров были огромными, теплыми, высокими, прекрасно пахнущими, окрашенными в цвета, которых более в мире нет, и украшенными рисунками, несущими образцы мудрости.

Где они сейчас? Куда они исчезли? Как это случилось? Почему столь неожиданно? Почему? Так-то, исчезли. Нет их. Исчезли все. И неизвестно куда.

Глава шестнадцатая

Четыре всадника скакали вглубь страны. Дали все более разворачивались вширь. Реки, пересекаемые ими, становились все шире и шире. Попадались озера, по которым плавали легкие лодки. Все больше было земли, все больше воздуха, солнечного и лунного света. Больше неба, больше огромных туч, больше горизонтов, больше бесконечных троп.

У двух коней упали подковы, и пришлось искать кузнеца. Да и корм лошадям был дорог и съедал сберегаемые деньги, питье в дорожных кафе тоже стоило, как место в постоянных дворах для коней.

Но проблемы начались с приближением к городку Медитункира, известному производством сладостей и волчков для праздника Хануки, восьмью синагогами, зубными клиниками, пекарнями, выпекающими пончики, которые в эти дни бастовали, высоченной горой, с которой временами парили любители острых ощущение на шелковых крыльях. На подступах к городу их остановили полицейские на мулах, предупредив, что в городе свирепствует тяжелая лошадиная болезнь. На одном из поворотов дороги они наткнулись на шлагбаум.

«Сойти с коней», – приказали им люди, одетые в желтую форму служащих гражданской обороны.

«В чем дело?» – попытались поинтересоваться всадники, и, в общем-то, как-то возразить.

Но охранники у шлагбаума уже были научены опытом разговора с проезжими. Хазары были народом, не терпящим нарушений дисциплины. Потому ответ был короток, лошади были прощупаны буквально сантиметр за сантиметром, им проверили уши, зубы и даже раскатали катышки помета.

«Лошади в порядке. Остерегайтесь давать им корм, не завизированный печатью, и не давайте им пить из ручьев. Сто двадцать шекелей, пожалуйста»

«Что?» – завопили всадники. – «Это же грабеж!» – но вам понятно, что пришлось платить.

Они продолжали скакать по городу с омерзительным чувством. Деньги просто уплывали из их рук, а тут еще новые проблемы – корм и вода для лошадей с разрешения, и опять – деньги. Отчаяние и гнев слышались в их голосах. И тут в лесу, предвещающем въезд в город с таким витиеватым названием, которые не хочется повторять, они встретили Ибн-Калшана.

Около самого входа в город останавливали всех проезжих, чтобы образовать колонну. Причина этого в глубине леса была понятна. Тьма и холод, демоны, которые были когда-то, и неизвестно было, вернутся ли они. Ангел смерти, который может появиться с предложением поиграть с ним в шашки или в шеш-беш. Но в лесу, около городка Медитункира, была еще одна причина: банды русских грабителей. Город был близок к широкой реке, текущей с севера, со стороны шведов и диких русских. Пару раз корабли их тонули, и рабы разбежались по лесам, и существовали за счет грабежей проезжих. Граф, властитель города, пытался не раз их поймать, но они бежали в болота, а Каган, со всеми своими заботами, не мог освободиться, чтобы покончить с этими преступниками.

Так, что всех проезжающих собирали внутри белой ограды, у леса, и там, под листвой, все сидели и ждали, пока соберется достаточно вооруженного народа. Лишь тогда проезжали этот лес.

Когда четыре всадника приблизились к домику охраны, люди сидящие под навесами, встали и среди них один сарацин.

«Отлично, – слышались голоса, – можно двигаться». Люди взяли рюкзаки и мечи, которые висели на деревянной стене. Четверка вооруженных всадников была главным подкреплением.

«Здравствуйте, я Ибн-Калшан, – сказал сарацин, – я географ, совершаю путешествие по Хазарской империи и буду рад, если вы позволите, присоединиться к вам».

«Географ? – сказали всадники. – Все, что ты видишь, – это завершения дорог Святого, благословен Он, и если человек тебе скажет, «Я могу познать порядок мира», скажи ему «Перед человеком во плоти и крови ты можешь выстоять, но перед Царем Царей, Святым, благословенно имя Его, ты тоже можешь выстоять?»

Ответил им Ибн-Калшан мудрыми словами из великого Комментария ко второй книге Моисеевой «Вот имена...» (Исход), доказав, что кое-что познал из своих путешествий: «Три вещи предшествовали Сотворению мира: вода, ветер-дух, огонь. Вода разродилась тьмой, огонь разродился светом, и ветер-дух разродился мудростью».

«Араб? – удивленно зашептались всадники. – Что он тут делает?» Из-за долгого отсутствия они не знали, что был подписан очередной мир между иудеями и арабами в результате ужасного восстания негров-рабов, несчастных болотных рабочих, которые вырвались на волю и приближались с юга к Багдаду. Потом война на границе с Хазарией прекратилась. Арабы отступили с некоторых оккупированных территорий, вернули тысячу иудеев, которых заставили принять ислам.

И в рамках мира арабы послали географа к Кагану, описать ему землю Израиля.

Глава семнадцатая

Ибн-Калшан был невысокого роста, черноволос, усат, как предполагалось, и лыс. Голова его, круглая, как мяч, была покрыта красным покрывалом, из которого торчало два пера из петушиного хвоста. Был он, примерно, сорока пяти лет, но ему уже трудно было читать. Седой клок волос торчал на голове, в главном в профессии географа – ходьбе – он был весьма слаб, и начинал задыхаться на любом подъеме.

Был он родом с Ливанских гор, маронитской веры, но принял ислам, чтобы иметь возможность путешествовать по империи халифа. Он побывал в таком количестве стран, что если бы начал рассказывать легенды этих мест, не замолкал бы три дня и три ночи.

Вот и привезли его с гор между Амальфи и Сорренто в огромные дворцы Багдада, где он развлекал халифа популярной научной программой, за что получал приличную оплату и немало женщин, и при этом проклинал запрет, не дающий ему продолжать путешествовать. Как премию, он получил это путешествие в Хазарию.

Но перед этим вызвали в одно учреждение, приказали и попросили его представить отчет о положении мусульман в иудейской империи после своего путешествия, и он обещал это сделать. Но главной его темой было строение Хазарии, ее пресмыкающиеся и пернатые в пустынях и сорта овец, ее размеры, богатства и властители, обитающие в ней демоны, леса, реки, и вообще, вся ее история. И, конечно же, форма ее городов, специфическая архитектура ее сооружений из кожи. Он написал толстенную книгу, наполненную данными, схемами, диаграммами, книгу, от которой не осталось даже воспоминания, а, быть может, ее и не искали с достаточным упорством или же вообще намеренно припрятали. Ведь написали же современные историки в «Ивритской энциклопедии»: «Предположение, что действительно существовала независимая иудейская империя в Европе в течение двухсот лет, вызывало большое неудовольствие в христианском мире, и до начала двадцатого века многие христианские исследователи просто старались не признавать различные свидетельства этого как историческую реальность».

Вместе с тем, существовала версия в христианском мире и порой в мусульманском, по которой знали несомненно, что хазары предполагали дойти до земли Израиль и захватить ее вновь.

Глава восемнадцатая

Показал Ибн-Калшан четверке всадников документы и попросил разрешения присоединиться к ним.

«Мы очень торопимся, извини нас, лес ты сможешь перейти с нами, но мы не можем охранять путешественников».

Но Ибн-Калшан продолжал упрямяться. Ему они нужны всего лишь на два-три дня, чтобы поднять его снаряжение на гору, которая возвышается над городом. Он хочет отсюда произвести наблюдение за страной Хазарией, раскинувшейся в пространстве, и очень хорошо заплатит.

«Нет, – сказали они.

«Человек видит прекрасный столп и говорит: «Благословен прекрасный минерал, что извлечен из него». Видит прекрасный мир и говорит: «Прекрасно место, которое сотворено, – сказал Ибн-Калшан, – так что, если вы мне поможете, вы тем самым поможете Царю царей, борющемуся с бесами. И если я опишу в книге еврейское государство и его ландшафты, все будут знать, и это сохранится для будущих поколений, и за это наградит вас Господь, не говоря об оплате, которую я дам, естественно».

«Погодите, почему бы и нет, – сказал один из всадников, советуясь с остальными, – у нас туго с деньгами. И если так это будет продолжаться, мы потеряем коней или доведем их до истощения. Мы только выиграем, если потеряем с ним два или даже три дня, но сможем кормить и поить, как надо, коней всю остальную дорогу, подковать, укрепить ремни, поддерживающие их, которые от частой затяжки ранят животных. К трем вещам приводит дорога: треплет одежду, ослабляет тело и уменьшает запас денег».

«Давайте поговорим», – обратились они к географу по ходу движения каравана в темном лесу.

Он приблизился к ним вместе с юношей, высоким здоровяком, евреем из молодого поколения хазар, родом из Кастилии, что можно было определить по взгляду. Он тащил легкую телегу на высоких колесах, нагруженную чемоданами, бидонами с водой, складным столом и стулом, телескопом и спальными мешками. Так они продолжали двигаться, географ-араб запрыгивал на коня, перья его тюрбана щекотали ноги всадников.

Договорились о неплохой цене и попросили половину авансом. И вот уже деньги позванивали в красном мешочке, прикрепленном к груди одного из четырех всадников, под широким поясом, пересекающим грудь.

Один из всадников дал коня географу. И они продолжали углубляться в темноту леса, образуемую высокими деревьями, между зеленью и мхом, покрывающим ветви и пни. Пугающий холод и влажность лес охватывал их печальными мыслями.

Ничего не случилось в этом походе по лесным тропам. Их было много, и они были отлично вооружены. Быть может, разбойники были пресыщены, или спали. После четырех часов движения, шестнадцати километров, деревья начали редеть, стало светлее, возникали вырубки, белели пни, и вот, лес кончился. Лишь саженцы молодых деревьев и редкие дома виделись вдалеке. И тут они увидели воды, невероятную по ширине водную поверхность между невысокими берегами.

Ибн-Калшан остановил коня и потрясенно вздохнул. «Никогда я еще не видел такой огромной реки». Вокруг алела ежевика, желтели полевые цветы.

Это был Днепр. Хазары называли его – Дан Дахзар.

Глава девятнадцатая

Они въехали в город, стоящий на берегу реки. Теперь у них были деньги, и они устроили лошадей в конюшне муниципалитета, где дали им проверенный корм и напоили, ибо они после долгого пути, страдали от жажды. Тяжелое оружие, длинные копья, луки и колчаны они оставили у стражи, охраняющей конюшни, взяв с собой лишь мечи и ножи, скорее из желания покрасоваться, чем использовать. Приближалась ночь, замолкли птицы. Ибн-Калшан обещал рассказать им об Иерусалиме, стене Плача, о реке Иордан и озере Кинерет, и вообще о многом, пока они смогут слушать. Поселились они в лучшем отеле города, приняли душ, и вышли на веранду. Комары, к сожалению, есть и в Хазарии. Цветы цвели в вазонах. Оркестр негромко играл грустные мелодии, которые сегодня мы бы назвали греческими, официанты для начала подали салаты – смесь пшена, петрушки, первых весенних овощей и раскрошенного твердого овечьего сыра. Салат этот почему-то называли весьма неприятно – «ветряная оспа», но он был вкусен.

Ибн-Калшан рассказывал многое об Иерусалиме, о могилах царей, о Храмовой горе, о Цфате, о горах Тавор и Кармель, обо всем том, что хорошо известно израильскому читателю, и не стоит о них распространяться, ибо есть весьма серьезное подозрение, что они этого вообще читать не будут. Во всяком случае, четверо хазар жадно глотали все эти рассказы. Это для них было самое интересное место в мире – земля Израиля.

Ибн-Калшан описал им историю попыток хазар захватить землю Израиля: первый поход был организован в 802 году. Землей Израиля владели мусульмане, примерно, сто пятьдесят лет, и осталось там весьма мало жителей. Каждого еврея заставили принять ислам. В противном случае заливали ему глотку горячим свинцом. Тридцать тысяч хазар собралось под командованием молодого блестящего офицера по имени Шимон, который переходил от города к городу и от села к селу, призывая каждого неженатого мужчину присоединиться к походу через перевалы Армении и Малой Азии и вдоль моря до Тира, что уже – на земле Израиля. Этот дерзкий план стоил жизни десяти тысячам иудеев. Двадцать тысяч вернулось с середины пути. Они поторопились жениться и отсиживаться тихо, не упоминая о поражении.

Лишь время от времени они цитировали из книги Бен-Сиры – «Непостижимое тебе не комментируй, скрытое от тебя не исследуй. Вглядывайся лишь в то, что тобою наследовано и не занимайся тайным». И все же, через двадцать лет, когда был организован второй поход, все двадцать тысяч присоединились к нему. На этот раз они учли опыт первого похода, провалившегося в пустынных заснеженных горах, полных хищных зверей и вообще всяких неожиданностей. На этот раз советовались и с византийцами и римлянами, которые в тот год взяли в жены цезарю девушку из хазар, и глаза всех до того вдохновенно сверкали при упоминании имени – Иерусалим, что Каган всерьез был обеспокоен, не захотят ли все они тут же перейти в иудейство.

Поход начался из порта Татан, города, который расцвел в течение двух лет, время, когда войско готовилось к походу, и построено было более тысячи кораблей. На каждом располагалось сто воинов и двадцать лошадей, много моряков и офицеров. Вышли они в Азовское море, затем пересекли Черное море до проливов у Константинополя. Длинной шеренгой кораблей прошли проливы между зелеными холмами, вышли в Мраморное море и там подняли паруса. Красивы были длинными корпусами, летящие под парусами корабли, на вздутых полотнищах которых парил нанесенный красками огромный семисвечник. И море казалось долиной, полной бабочек, на крыльях которых – символ Израиля. Жаль, что не было тогда ни вертолетов, и видеокамер, какая незабываемая картина осталась бы в памяти мира.

Флотилия остановилась в Галиполи, и римские мореходы дали наилучшие в то время карты рельефа морского дна Средиземного моря, которое римляне называли Римским, а

хазары – Великим, игнорируя собственные легенды о более великом море и научные знания того времени о бесконечном море не на западе.

На корабли поднялось несколько капитанов, завезли много овощей, сухарей и свежей воды.

Это было необходимо. Редкие белые облака стояли над Родосом. Там они ели нафаршированные виноградные листья в белом соусе, сидя под масличными деревьями, чья листва была мягка, как атлас. На кораблях совершали прогулки в Линдос, заполнив порт парусами со семисвечниками, плыли по легендарному морю, прозрачному до дна, Губернатор Родоса приветствовал их и принес извинения, что не может угостить их вином, согласно еврейским традициям. И флот вышел в открытое море.

В середине пути грянула буря. Отлично выстроенные корабли, каждое из которых состояло шестисот пригнанных одно к другому дубовых досок, боролись с волнами, Но валы увеличивались. Бойцы были смыты в море, все мачты были сломаны. Когда солнце взошло вновь после трех дней бури, выяснилось, что половина кораблей пошла дно, а другая половина едва держалась на поверхности, уносимая по воле волн.

Ибн-Калшан был весьма горд этим рассказом, ибо это был апогей его географических исследований и служил прекрасным поводом для его больших расходов. Весь этот морской поход и его провал не был известен мусульманам, сидящим на земле Израиля, ни о чем не подозревающим, и спасшимся благодаря сильным последним суховеям того лета от вторжения огромного флота, планировавшего высадку в пяти местах – в Акко, Шикмоне, Кейсарии, Яффо и Ашдоде.

Нет сомнения, сказал Ибн-Калшан, впервые открыв архивы этого морского похода, что мусульмане на земле Израиля со всем войском, готовым беззаветно умереть и убивать, не устояли бы перед этим вторжением, и земля Израиля была бы захвачена иудеями.

Глава двадцатая

Не открывая глаз, проснулась Деби, чувствуя какое-то неудобство. Что-то вызывало зуд внизу живота. Она поняла, еще пребывая в тяжелом сне, что это «пояс верности».

Свет проник через окно, прорезанное в мягкой коже стены, слабо пробиваясь через занавеску.

«Уф», – сказала Деби, и попыталась передвинуть пряжку пояса верности, чтобы замок хотя бы сильно не давил. Большого облегчения это не принесло, но она продолжала спать, в ожидании, пока ее разбудят. В этом возрасте нет ничего лучше долгого сна до поздних часов дня. Эсти, лежащая рядом, спала без задних ног.

«Эта сучка может спать в любом положении», – подумала Деби, и тут же сама заснула.

Много поясов верности есть в мире. Я видел их на выставке древних инструментов пытки в Венеции. Сделаны они были из толстого железа, и формы у них были разные, начиная от грубо кованого пояса, протягивающегося между ног, до целых трусов, представляющих истинную броню. В железе были пробиты круглые отверстия для естественных надобностей, и острия вокруг этих отверстий торчали наружу. Сквозь эти отверстия невозможно проникнуть внутрь.

Что же чувствует девушка в этом поясе, и на сколько времени его замыкают? Ответов я не получил, и мое потрясение изобретательностью человека не проходило. Но это не было самое мое большое потрясение на этой выставке на водах Венеции.

Один из поясов верности был внутри обшит тонким алым бархатом, слабой своей щетиной греющим тело. Это был несколько неожиданно. Я не мог себе представить это некоторое облегчение для женщины среди всей жестокости поясов верности. Интересно, гордились ли женщины различными модами поясов верности. Интересно, показывали ли они их одна другой.

Поэтому я радовался тому, что в Хазарии не было поясов верности, сделанных из железа и их даже нельзя сравнивать с поясами верности рыцарского периода в разных местах Европы.

У хазар пояса верности делались из толстой ткани, иногда кожи. Хазары любили делать вещи из кожи, как вы уже убедились раньше. Много кожи было в Хазарии. Она была дешевой, легко достижимой и хорошего качества. Инструменты для обработки кожи были всегда под рукой у каждого. Умельцами в этом деле были каждый хазар и хазарка с детства. Делали пояса верности из кожи, но более удобными были пояса из тканей, некие подобию поясов для живота сегодняшних женщин. Трусы были несколько длинными, обтягивающими бедра, охраняя желаемое во влажном и влекущем состоянии. Сверху широкий пояс на бедрах связывал все, что ниже, и замыкал на замок шнуровку, идущую через крепкие ушка снизу вверх вдоль пояса.

«Смотри», – сказала Эсти, обращаясь к сестре, когда они получили пояса верности, и Деби подняла юбку из лоскутов кожи и покрутилась в разные стороны. Эсти спустила штаны, подняла рубаху и тоже продемонстрировала свой пояс с замком. Обе рассмеялись и с женским любопытством изучили ткань, форму поясов и поиграли замками.

Это были отличные и удобные пояса, которые мать купила им несколько лет назад. Както пришел караван купцов меда. Девочкам было десять и тринадцать лет. «У тебя уже большие дочери», – сказал купец, и девочки странно, победно заулыбались. «Им уже нужны пояса, госпожа Малка», – продолжил он, чуя небольшое выгодное дельце, и действительно обслужил по всем правилам. Малка заплатила ему аванс, попросив привезти два-три образца, и, конечно же, резервные ключи.

Он вернулся через год, привез пояса. Девочки были взволнованы, раскраснелись, мерили. Пояса были несколько велики на них.

В ночь, когда они обвенчались, перед сном сказала им Малка на ухо: «Пойдемте, надену на вас пояса». Девушки были смущены, это ведь был знаменательный день в жизни девушки в Хазарии. Да еще двух сестер в один день.

У Эсти был узкий таз и небольшой зад. Пояса же были шиты на более зрелых женщин, примерно, сорок шестого размера. На Деби пояс чуть не сходил. Но Малка взяла иголку и крепкие нитки, Ушила или расширила, где надо, Кончики нитей связала и покрасила швы, чтобы если кто-нибудь распорет нить, ее можно будет поймать.

Некоторые раввины и мудрецы протестовали против этой традиции использования поясов верности. Они, в основном, были из еврейских общин, пришедших в Хазарию из Египта, Италии, Греции, беженцы с земли Израиля, из Ливана, из Византии, евреи из Испании и Португалии и масса евреев из Вавилона, осевших на землях Хазарии. Другими словами, все те евреи, которые бежали в Хазарию и сумели одолеть границу, охраняемую дьяволом Самбатироном, заграждающим все входы в иудейскую империю.

«Традиция поясов верности, по сути, традиция хазарских колен с языческих времен», – говорили эти евреи, вспоминая «обычаи Аморея».

Знатоки пользовались древней уважаемой всеми формулой, которая служила началом перехода в еврейство. Но некоторые обычаи были приятны хазарам и приемлемы ими, как, например, правила охоты и молитв, связанных с охотой, свадебные церемонии, ермолка для жениха, и покрытие головы невесты, шляпа с полями из меха у мужчин в праздничные дни. Икра. Ну, и пояса верности для обвенчавшихся девушек, от чего хазары не хотели отказаться.

Кстати, пояса верности весьма понравились девушкам по всей империи, так, что даже девушки-еврейки из общин, не родившиеся в Хазарии, просили матерей купить им эти пояса. Они носили их как знак венчания, как знак того, что у них есть кто-то, кого они любят, как знак страсти и умения воздержания. Попробуй воевать с желанием девушек и их матерей показать, что у них есть друг.

Глава двадцать первая

Весьма некрасиво сидеть, сложа руки, и даром есть свой хлеб. Ферма управлялась со всеми делами наличествующей рабочей силой: мужчиной и юношей при дополнительной помощи женщин. Малка была неутомимой в работе. Кроме тяжелых поездок и возни со всевозможными железками, она управлялась со всем. А дочери помогали ей во всем с восемнадцати лет. Сбор яиц, ощипывание перьев, чистка кожи, отлично выполнялись ими.

Раньше было у них два раба, но когда девушки выросли, рабов продали. Существуют правила, которых надо придерживаться в таких отдаленных и отделенных от городов местах девушкам, достигшим зрелости. На равных работали все члены семьи.

И все же, несмотря на то, что не было особой работы, оба жениха встали рано утром, вместе со всей семьей. Помолились, умылись и вышли в поле. Четверо собирали орехи в корзину, и весь урожай был собран в течение четверти часа. Четверо рубили дерево в лесу одним топором поочередно. Когда работали на улье, новых двух работников не покрывали сетками, и они должны были стоять поодаль, чтобы пчелы их не жалили, но это не помогало. Когда глаза их запухли от пчелиных укусов, Гади позволил себе довольно грубую шутку насчет тех, кто дает рукам волю с девушками, распространенный между пчеловодами рассказ о мужчинах, приходящих в пятницу к ним с просьбой, чтобы пчела укусила их детородный орган, который увеличивался до устрашающих размеров.

Но после двух-трех дней все обрело порядок, частично само собой, частично организационными действиями Малки, частично по инициативе Ахава и Давида. Дом был несколько запущен. Из-за того, что не было мастера по окраске кожи, к примеру, не были нарисованы, по хазарской традиции, цветы вокруг дверей. То, что было нарисовано по краям крыши, стерлось и потрескалось. Однажды утром Ахав сказал: «Если нет ничего более важного, возьмусь за покраску дома».

Это было отличное предложение, требовавшее в первую очередь изготовление кистей. Купили краски – зеленые, красные, коричневые, белые и черные. Для клея при разведении красок использовался яичный белок, его также извлекали из рыбьих костей и деревьев в лесу. О голубом цвете нечего было говорить, как и о золотой и серебряных красках. Во всяком случае, в течение двух недель все части дома, нуждающиеся в окраске и обновлении, были отделаны. Белые анемоны, традиционно рисуемые на притолоках дверей в Хазарии, розовые цикламены над окнами с сердечками по сторонам, а на притолоках окон – цепочки черных прямоугольников – все это сверкало свежей краской. Вокруг дымохода Ахав нарисовал нечто, придуманное им самим – красные и желтые треугольники, обведенные черной линией. Все это выглядело несколько грубовато. Но Ахав разбавил это зелеными прерывающимися полосками, между которыми нарисовал расцветенные кружки горчичного цвета, этим же разрисовав все перегородки и ширмы. Он также соорудил новые перегородки, в чем помог ему Гади, распилив древесные стволы на доски и обстругав их, а затем, скрепив так, чтобы они стояли твердо и разбирались легко по необходимости.

Когда работа была завершена, отмыли пятна краски на полу, Малка при всех расцеловала Ахава и сказала «Как все красиво, никогда еще наш дом не был таким красивым в преддверии Пейсаха».

И Деби вся светилась радостью.

Он смотрел на ее улыбку, которая действовала на него, как удар, и сказал про себя: «Вечером, вечером. Все удовольствия – вечером».

Глава двадцать вторая

Пояса верности не вели к слишком большому целомудрию до свадьбы, как может подумать читатель. Даже наоборот. Из-за поясов верности, хранящих все, что внутри, делать все, что снаружи, было разрешено. Обвенчанным парам разрешено было уединяться вдвоем, даже на целую ночь.

Хотя речь не идет о совершенно вольном сексуальном поведении, разрешающем любые формы наслаждения, как до появления СПИДа в наши дни, но по сравнению с поведением людей свободных и достойных, нет сомнения, что речь идет о чем-то абсолютно ином. Поэтому никто не перебросился гневным или угрожающим взглядом, когда Деби и Ахав и Эсти и Давид поторопились покончить с яблоками в меду и положить посуду в корыто с водой, подогретой раскаленными камнями. Малка сказала: «Ладно, ладно, я все закончу». Тут же дочери поцеловали мать в щеки и исчезли в последнем свете дня, который и сам почти исчез.

Эсти и Дуди направились к ульям, чуть светящимся красными крышами, в то место, где они уединились еще в первый день их знакомства. Там лежал ствол дерева, полый внутри, куда они еще тогда спрятали одеяло. Там он поцеловал ее в первый раз и был удивлен, что она открыла рот и коснулась его языка своим языком. Он не знал, что она очень боялась того, что он подумает об этом поцелуе, что он не разочаруется в том, что она совсем ребенок и ничего не знает о поцелуях.

Несмотря на провинциальность, она все же сумела услышать несколько советов из тайно улыбающихся уст румяных славянок-служанок, проезжающих с караванами. Она также с большим вниманием выслушала пару уроков от старшей сестры после пребывания той в течение месяца в городе Кохоли. Это было в Хануку, отмечали день рождения – шестнадцать лет. Все незамужние девушки встречались в лагере, где изучали, как следует помогать старикам, как содержать кошерную кухню и постель, слушая советы жены раввина, ну, и встречались молодыми евреями. Такие встречи происходили обычно один раз в два года. Это был отличный проект, реализуемый организацией Д.С.М.О (Дружба и сближение молодежных организаций), собирающей молодежь со всей империи, созданной королевой Хазарии Сарой с целью познакомиться и сблизить молодых хазар, живущих в отдаленных местах.

Это было необходимое предприятие, особенно лагеря, несмотря на то, что юноши и девушки чувствовали тоску по родному дому, порой до истерики, особенно по ночам, в палатках. Огромные дали этой страны рождали ностальгию по родным, по семье, которая незнакома нам, живущим в тесноте и близости.

В другой книге я, быть может, опишу этот лагерь: этих молодых людей, которые не переставали говорить с момента встречи и знакомства, да и спали не более двух часов, изголодавшись по обществу и не в силах насытиться. Другие же, наоборот, боялись любого контакта с теми, кто им не знаком, не знавшими их поведения во сне и до сна, их раздевания и одевания, не понимает их шуток и смеется над тем, как они, к примеру, ковыряются в носу. Третьи боялись, что если сейчас познакомятся с кем-либо, а он их покинет, они умрут от горечи.

Но я ведь сказал, что не будем говорить об этом, лишь упомянул такой лагерь. Вернемся к нашим делам и расскажем, что именно в таком лагере получила Деби некоторые понятия о теории поцелуя и раздвигания ног, и, вернувшись домой, просветила сестричку, которой повезло, что у нее есть старшая сестра. Старший брат, вернувшись из лагеря, ничего не рассказал Деборе. От нее Эсти узнала, что при поцелуе высовывают язык, при всем при том, что, кажется, в это невозможно поверить. Это она и сделала. Может, не очень ловко, не очень технично, но влажность губ, сладость языка... ой, причем тут – технично? Какое – технично?

Дуди страстно прижал ее, положив руку ей на бедро. Он был высоким, метр восемьдесят, она же, может, метр шестьдесят. Худа, как страдающая анорексией, хотя аппетит у нее был

отменный. Может, это было связано с ее возрастом и строением ее тела. Он же словно бы пил через ладонь ее хрупкое, подобно бабочке, тело, ее кожу, нежную, как лепестки лютика, ее бедро и то, что округлялось и расширялось ниже, и думал, что готов отдать жизнь за одно проникновение внутрь этого тела. Он бы все отдал за это, даже не в силах думать логично, опасно ли это или нет, только если бы это было возможно. Это будет возможно, он знал, через месяц или два.

Им лишь надо найти время, освободить неделю от работы, оседлать коней и поехать в ближайший город Кохоли, чтобы пригласить раввина, купить для венчания миндаль, покрытый корочкой соли, и другие вещи, блюда для жениха и невесты, и будет церемония венчания-хупа. Будет большая свадьба. Половина жителей Кохоли придет караваном. Построят огромный шатер и будут в нем плясать. После праздника исчисления снопов урожая, будет свадьба.

Он скользил руками по ее бедрам, вниз – вверх, сомневаясь и удивляясь, чувствует ли она что-либо, собирал ее волосы в горсть, пытаясь убедить себя, что она все же чувствует, что он делает, касался разных мест ее тела. Он не переставал касаться ее, пока они не пришли на заветное для них место, обнялись и поцеловались. Рубашка ее развязалась, распустилась шнуровка, и вместе с нижней майкой была сброшена через голову.

Теперь в его руках было ее тонкое, податливое, мягкое тело, маленькие вытянутые, длинные груди, и соски, явно еще не созревшие, и они высились, как два небольших пончика на вершинах сводящих с ума холмиков.

Он утонул в них, в этих подушках, в этом вечном чуде, ощущая, что есть вкус в жизни, в существовании на этой земле, в смысле, который пробивает все семь небес и четырех ангелов, стоящих с погасшими факелами по четырем углам небесного города. Смысл и важность этих мгновений проносились перед Высшим Престолом и взмывали поверх него без всякой задержки. Намного выше Него.

«Минутку, минутку» – воспротивилась она, как и все девушки слишком большому напору мужчину, который невозможно умерить. «Минутку», – и она отодвинулась назад, пытаясь задержать его хотя бы на короткий миг. Отодвинуть и направить. И удивилась, увидев в его руке одеяло. «Как ты ухитрился уже взять одеяло, хитрец?» Это было умопомрачительно.

Но он с трудом улыбался, боясь испортить вечер своим слишком большим напором. Одним движением он расстелил одеяло на траве, подняв в воздух несколько листьев и катышков пчелиного помета.

Эсти обняла свое нагое тело руками. «Холодно», – сказала.

Он сбросил кожаную куртку, перевернул кверху подкладкой и тоже расстелил на одеяле. «Иди ко мне» – сказал, и потянул ее вниз, на одеяло, именно так, как миллиарды раз во все времена, и лег на нее, и она обняла его беззвучно. Им стало жарко, и кожаная куртка, используемая, как прикрытие, была отброшена.

Он кончил, истек, жалея, что не разделся полностью, жалея, что не продолжал гладить кожу девушки, чтобы продлить наслаждение, жалея, что попросил ее коснуться руками его столь победительно торчащего члена. Он удивлялся собственной глупости, почему отказался от прикосновения ее губ к нему: она ведь вчера сказала: «Только не это. Никогда».

Он опрокинулся на спину. Эсти легла сверху, вовсе не сердясь, чем удивила Давида. Он просунул руку под ее штаны, пытаясь проникнуть под пояс верности, и снова удивился крепости этого приспособления.

Она приподнялась на миг, груди ее сверкали всей своей красотой и великолепием, без всякого прикрытия, и посмотрела на его штаны, где виднелось маленькое пятно. С беспокойством сказала ему тихим голосом: «Посмотрите, это оставляет пятно на коже».

Он тоже посмотрел туда. Это были замшевые штаны, и он надеялся, что когда это высохнет, он сотрет пятно влажной щеткой. Они снова обнялись.

«Теперь мне холодно», – сказала она, потянула куртку из-под них и накрылась ею. Это был удивительный, прекрасный, незабываемый миг для обоих в тот год, в том маленьком месте, в государстве Хазарии, точно в этот сегодняшний день тысячу лет назад.

«Я люблю ее», – думал Дуди про себя и чувствовал невероятную полноту чувств. Жаль, что не сказал ей этого вслух, ибо малышка Эсти, счастливая до смешного, лежала, словно бы в сладком плену, на его плоской груди, на его поясах, которые кололи ее минуту назад, оставив синяки, и спрашивала себя, любит ли он ее. Он этого не сказал, ибо сказал вчера, но ей это нужно было сегодня. Жаль, что не сказал этого.

Ничего не случилось. Он сказал ей это назавтра, и потом много раз в течение многих лет, но почему этот идиот не сказал ей это в тот вечер. Жаль каждого случая, когда можно сказать – «Я люблю тебя», и, вот же, экономят на этом.

Она решила не спрашивать его об этом, а спросила о его братьях и сестрах. Чем занимается его отец? Чем – мать? Откуда они? Надо же рассказать своей матери, чтобы не кричала на нее: «Что? Три дня и три ночи вы вместе, и ты еще не знаешь, кто он?»

Холод становился невыносимым, и ветер усилился, неся шум древесных крон леса. Эсти оделась. И Дуди накрыл себя курткой, луна в небе была почти полной, и ярко светила. Шорохи слышались со стороны дощатого забора, но это не был медведь, а тысячи кроликов в полях, и шум усиливался время от времени, слышался визг и трепыхание, когда одна из десятков лисиц хватала кролика, лисиц, размножающихся с быстротой на кроличьей пище и жирных гусей, которых было несть числа в полях. Эти лисицы попадали в ловушки, расставленные Гади, во множестве. И он вместе с Малкой снимали с них шкуры с большой осторожностью, сушили их, растянув на досках. Вместо глаз вставляли полированные шарики черного камня, хвосты же расчесывали и хранили от любого ущерба. Ловушки были полны лисиц каждый день, и за это Гади и Малка благодарили Бога молитвой-песнопением охотников-хазар на арамейском языке, где одна строка была особенно любима и в переводе звучит так: «Даже легкую птичку без тебя, Господь, мы не поймем».

Дважды в году, когда приходили караваны купцов за медом и воском, извлекались из склада также шкуры и продавались весьма дешево, почти даром, ибо купцы должны были заработать свою часть, продавая шкуры крупнейшим продавцам шкур.

Во всяком случае, Гади и Малка не жаловались на низкую цену, ибо и так накапливалась немалая сумма в золотых монетах и хранилась в жестком кожаном мешочке, прикрепленном внутри одного из ульев, – деньги за лисьи шкуры.

И капает мед, и цветочная пыльца сыплется на отяжелевший мешок.

Глава двадцать третья

Дуди удивил Эсти, сказав, что он из Итиля.

«Из Итиля?» – изумилась малышка. Голубые глаза ее засверкали, Губы вдохнули воздух преклонения. Уши внимают, сердце размышляет. В единый миг она поднялась в собственных глазах.

«Вот, услышит Дебора, – ликовала она в своем сердце. – И мать будет очень довольна. И отец обрадуется. Будет о чем поговорить Дудику и Дову. Ой, конечно же, мы туда поедем хотя бы раз? Ведь если я попала в семью из Итиля, я обязательно буду в Итиле».

Она была околдована столицей, дела которой вершились с мудростью, доходящей степени изумления. Итиль со всеми ее потрясающими развлечениями, спектаклями и балами. «Расскажи мне об Итиле», – попросила Эсти.

«Что бы ты хотела услышать?» – спросил Дуди. – «Особенно много не о чем рассказывать. Большой город, много мостов. Верно, каждый вечер можно встретиться с друзьями, слушать песни на площадях, не как здесь, где так тихо. Но я не очень-то любил все это там. Очень редко покидал наш квартал. Итиль хорош для того, у кого много денег и есть у него карета. Трудно жить в огромном городе. У нас кареты не было, а добираться в любое место пешком просто сумасшествие».

«Ты видел дворец Кагана?»

«Да, – ответил Дуди, – даже был в нем».

«Ты был внутри дворца?»

«Да. Это не проблема. В дни праздника Кущей – Суккот – мы встречали всю семью Кагана. Они очень симпатичны. Надо бы тебе видеть, в каких мундирах они ходят».

«Красивые мундиры?» – глаза Эсти просто излучали свет, вкушая невероятное удовольствие все это видеть.

«Никогда не видела мундиры, – пожаловалась она тонким несчастным голосом, – только на рисованных картах».

Ответ Дуди был полон удивления, этакий выдох из легких через сжатые губы при покачивании головы, примерно так: «Ого!»

Он ей рассказывал еще о регулярных войсках, о тех легко передвигающихся подразделениях, совершающих невероятно дерзкие операции, мощных знатоках и умельцах войны, умеющих пользоваться непобедимым оружием. Свободное от войны время они используют для охоты и упражнений саблями, занимаются укреплением границ страны и великими походами по захвату огромных пространств вокруг. Великим стыдом для них, для хазар, – умереть в постели, дома, а великой честью и гордостью – пасть на поле брани. Это та самая мужественная иудейская пехота и кавалерия, которая раз за разом смешивала все планы лучших из лучших шведских полководцев. Последние пытались пробудить и побудить славян в их селениях кличем – «Не повышать налоги хазарам!» В руках хазарских пехотинцев-лучников оружие по дальности и силе превышает всех врагов. И эти лучники в использовании мощнейших луков достигли силы и умения, с которыми никто не может сравниться.

С детства, с двенадцатилетнего возраста, обнаруживают этих легендарных лучников, упражняясь в школах и отбирая лучших из лучших.

Когда мусульмане попытались выйти в атаку с юга, направили эти лучники свои стрелы на лошадей противника. Тучи стрел останавливали атаку еще до того, как приходило главное мусульманское войско, прочесавшего и не оставившего камня на камне тех стран, которые были на пути хазарской кавалерии, готовой рвануться в бой – всадник против всадника. И вот, все мусульмане свалились с падающих под стрелами коней, частью раненные от стрел, пришедших с неба, часть ищущие свои мечи, мечущиеся в надежде сбежать с поля боя.

Все эти воинские описания подходят беседе юношей, и, конечно же, навели скуку на малышку.

«Чем занимается твой отец?» – напрямую спросила Эсти.

«Отец преподает Тору, Пророков и Писания», – сказал Дуди, и стало ясно откуда у него это имя, и еще Эсти поняла, что семья его не из больших богачей. И сам по себе возник ответ на вопрос, который ее удивлял: почему у него нет коня.

Есть вещи, которые Эсти, сельчанка, не знала. Цена лошади невысока. Но содержание его в больших городах было дорогим, где особенно дорого стоили конюшни, да и цена ржи и овса была немалой. Конь, как и машина, требует пищи, едут на нем или не едут, так, что молодые люди в городах только из богатых семей могут себе позволить иметь коня.

В этом причина, что Дуди присоединился к этому походу из Лопатина в дальний дворец, за пределами границ Хазарии, цель которого была простой: вернуть двух детей графа семье. При возвращении граф обещал, что каждый получит коня, а также место в конюшнях Лопатина на берегу моря, Хазарского моря, корм для коней на три года, лечение, слежение за копытами и расходы на небольшие каждодневные поездки, выдаваемые конюхами графа.

Обо всем этом Дуди рассказал ей простым и сухим языком в тот холодный вечер. О Лопатине сказал только, что это «красивый город», не упомянув насколько он прекрасен на холме в сердцевине Хазарского моря. Стоит он в конце узкого полуострова, подобно пальцу, протянутому вглубь вод, полному солнца и тишины, на вершине холма, в конце этого пальца земли.

Это город многих дворцов. Шеренги флагов развеваются над крепостью, обращенной в сторону моря. Ухоженная улица ведет к дворцу графа, вокруг которого множество грядок нарциссов. Они огромны и расцветают именно в эти дни – дни Песаха.

Глава двадцать четвертая

Ахав проснулся. Ему было жарко под шкурой. Сильное ощущение продолжения сна захватила его. Это был физически ощутимый сон, казавшийся истинной реальностью. Запоминать сон Ахава учил отец: сначала запомнить его с закрытыми глазами, а потом вторично, открыв глаза. И так закреплялся сон при свете дня.

Позднее, вечером, он сел за стол и записал сон, и все же не сумел закрепить его во всех подробностях.

Сон. Ночь в медовом доме Деборы. 13 апреля 862 года.

Я и еще она, незнакомка, на берегу очень широкой реки. Второго ее берега не видно. Дугой вспрыгивает над водой рыба, за ней – другая. «Смотри», – говорю я, указывая на прыгающих рыб. Воды темны в верхней своей части, да и рыбы прыгают странным образом. Очень медленно, замирая в высоте, и столь же неестественно медленно падают обратно в воды, словно совершая кульбиты.

Хорошо видна темная красивая рыба и воды подобны маслу. Я оглядываю реку. Высокий берег разрушается, а я на кромке вод, и незнакомка – в длинной вязаной юбке – рядом со мной.

Я не знаю кто она. Она не имеет никакого значения. Она – мимолетная гостья, беда мне, когда пишу о ком-то на бумаге, ибо во сне она была как ничто, но записанная, она обозначится более ощутимо для того, кто найдет эту бумагу. Она была ничто, только рядом на миг. Слышишь, Деби, только тебя я вижу во сне физически ощутимо, лишь ты не мимолетна.

Я гляжу на воды, и они становятся прозрачными на глазах, и ясно видны снующие рыбы совсем близко от моего лица. Карпы выглядят несколько более изящными, чем в реальности, но очень вялы, ибо они под водой, и угол зрения сверху, на уровне поверхности, не дает возможности видеть рыб. Этому мешают еще и мутные воды, и вообще вокруг сумрачно. Но воды уходят в пучину, и вся река падает наискось, или это я спускаюсь как-то очень размыто на место, ниже уровня реки, и вот, вижу вглубь. Огромные рыбы снуют, уплывают, исчезают в дальних водах, то возвращается к моему лицу, и головы их круглы, подобны голове щенка. Они бесцветны, черно-белы.

Еще предметы плавают в воде, и ясно, что это рыбы, похожие на предметы.

А воды становятся все прозрачней и просвечиваются, и видно вглубь, до самого дна, которое не в середине реки, а ближе к берегу, и там стоят черная овца и смотрит на меня. Она черна и курчава. И она настоящая, но кажется на миг подобной муляжу овцы. Чернота ее подобна углю. И шерсть ее окрашена словно индийскими чернилами. И глаза овцы черны. И она смотрит на меня из глубины вод. А воды стоят напротив меня стеной, а я на одном уровне с дном реки, и черная овца там, и у меня ощущение тайны. Вокруг овцы снуют рыбы формами, схожими с домашней посудой.

Река стоит перед моим лицом почти вертикально, давая ощущение неудобства, и я поднимаюсь по берегу. И незнакомка в длинной своей юбке поднимается со мной, рискуя измазаться в грязи берега. Стена берега отвесна и разрушается на глазах. Земля его неприятна и корни торчат из нее. Бежит пес, и ремень от ошейника тянется за ним.

Мы поднялись наверх, сидели на краю тропы, и сон кончился.

Глава двадцать пятая

«Что ты пишешь, Ахав? – спросила его Дебора и зажгла сразу несколько свечей. С воском никто не считался. – Почему ты пишешь в темноте?»

«Я записываю сон», – сказал Ахав и рассказал ей его.

Деби слушала, широко раскрыв глаза. Попросила еще раз описать овцу в глубине вод. Ахав запутался в описании. Слова не подходили к виденному, исчез ритм и певучесть видения во сне. Но он сказал несколько обрывочных предложений: «У женщины было несколько привлекательное, нежное, заостренное в чертах лицо, тоже черное. Ноги тонкие, как черные палочки книзу. И она смотрела на меня, она была целиком как один взгляд».

«И она что-то просила, ты думаешь?» – спросила Дебора.

«Да, это так выглядело. Это был, вероятно, просительный взгляд или, быть может, удивленный. А честно, я не верю в сны».

«Не надо слишком верить, и тут ничего нет, что можно расшифровать. Ясно, что исчезнувшие дети не дают тебе покоя, это отчетливо выступает во сне. Овца в глубине вод».

«Нет, – протянул Ахав, – н-е-е-т. Какое это имеет к отношению увиденному. Обычный сон».

Дебора замолкла, несколько уязвленная, приблизилась к нему, поцеловала его в щеку, уткнулась в нее лицом. И так они замерли, он – на стуле, она, прижавшись к нему, даже, когда вошла Малка со свечой из соседней комнаты, увидела их и вышла.

Так или иначе, они разжали объятия, и Дебора взяла лист с записанным на нем сном, прочла. Ахав усмехался про себя, ожидая, когда она дойдет фрагмента, где она упоминается. Улыбка появилась у нее на лице, когда она дошла до этих строк, посмотрела на него, хлопнула по плечу:

«Что ты обо мне написал?» – в голосе ее были нотки ликования и счастья.

Она вернулась к тексту, спрашивая: «Еще что-нибудь обо мне написано?»

«Нет».

Она дочитала до конца, отложила лист и сказала: «Прекрасно написано».

Снова вошла, и более уверенно, Малка, затем вышла, взяла медный таз из ящика, где хранилась посуда, вернулась. Руки ее были в тесте, на ладонях два яйца. Сказала Деборе: «Принеси мне, пожалуйста, маленькую сковородку, но не опрокинь ее».

Дебора открыла крышку сундука, в котором разложена была в аккуратном порядке кухонная посуда – кастрюля в кастрюле, покрытые лоскутами кожи. Маленькая сковородка лежала в большой сковороде, ручки – отдельно, чтобы сэкономить место. Отдельно – формы для пирогов, взбиватель пены, кофеварка.

Она взяла маленькую сковородку, злясь на мать. Какое еще замечание та может сделать, если сковорода наверху? Она привернула к сковороде ручку, закрыла крышку сундука, которая, слава Богу, легла точно, куда надо. Сколько раз она немного застревала, и тогда не проходило секунды, как должна была сказать: «Ты нехорошо уложила вещи внутри».

Дебора понесла матери то, что та просила.

«Ты должна видеть, как он прекрасно написал», – сказала матери в кухне, где все раскалилось от плиты, – он описал приснившийся ему сон и обо мне там тоже написал».

Дебора вернулась к Ахаву, и они начали говорить о чем-то незначительном, но тут вошла любопытствующая Малка и спросила: «Можно прочесть то, что ты написал, Ахав. Дебора говорит, что это очень красиво».

«Мама!» – сердито сверкнула глазами Дебора в стороны матери.

Но Ахав сказал: «Да, все в порядке, вы можете это прочесть, мама Дебори».

«Дебори? – подумали одновременно Дебора и Малка. – Он решил звать меня Дебори. Что вдруг?»

Малка прочла и сказала: «Да, прекрасно написано». Замолкла. Потом добавила: «Когда ты собираешься поехать, чтобы вернуть похищенных детей? Мы должны это знать до свадьбы».

«Детей? – изумленно спросил Ахав. – Я не знаю».

«Разберись поскорее, – сказала Малка, взъерошила ему волосы и добавила, – я сегодня делаю пирог со сливами и персиками, это последний пирог перед Пейсахом. Знайте это».

«Прекрасно!» – крикнул ей вдогонку Ахав, а когда та исчезла за дверью, тихо спросил Дебору:

«Что она хочет от меня?»

Дебора накручивала на палец волосы и смотрела на пламя свечей. Была определенная опасность в этом вопросе, словно он спрашивал ее, кто друг и кто враг, и надо было выбрать между матерью и ним. Она не ожидала такой ситуации, вкусив в этот миг вкус неизвестности и непонятности. Снаружи снова подул сильный ветер, дом из кожи и дерева закрипел всеми частями. Деби не ответила на вопрос. Во всяком случае, не прямо.

«Я надеюсь, что ты быстро вернешься», – сказала она и посмотрела на него сквозь волосы, поблескивающие в слабом пламени свечей.

Ахав не был уверен, что понял сказанное матерью и дочерью. Что они имеют в виду. Чтобы они с Давидом поехали возратить детей? Никогда так не думал и ничего такого не говорил. Я лишь жду, чтобы четверо добрались до Лопатина, рассказал графу, и тогда пошлют воинское подразделение бойцов под командой офицеров, и они сделают всю работу. Если попросят, чтобы я присоединился к ним, естественно, возражать не буду, но в одиночку против дьявола Самбаттона?

«Четыре ветра есть в мире, – размышлял про себя Ахав, – ветер с восточного угла, ветер с северного, южного и западного углов. С восточной стороны возникает свет, и приходят кони. С юга приходят благословения из Иерусалима. С севера приходит снег и рабы. Западный угол Всевышний не достроил до конца, сказав: каждый, кто считает себя существом Божественным, пусть явится туда на запад, где всяческая бесовская нечисть, облачившаяся в облики культурных и красивых людей. Там – место привидений, демоны, крестов, и оттуда все дурное выходит в мир».

Ответила ему Дебора, знакомая с этим определением, родившимся из страха перед Западом и связанным с ним запустением, и все же удивившаяся тому, с каким изяществом и даже вдохновением выразил Ахав, причем спонтанно:

«Если ты уедешь, я буду в тревоге, и если останешься, буду тоже в тревоге. Другими словами, нет у тебя другого пути, кроме дороги на Запад».

«Не тревожься», – сказал Ахав. Но в воздухе, несмотря на шум ветра, можно было услышать его словно надтреснутый голос, который бывает, когда словами пытаются скрыть истинное ощущение, некую фальшь в любящей душе, и в первый раз отдаляют ее и строят, в общем-то, из ничего – стену.

Деби снимала ногтем натеки воска с подсвечников и бросала их специально предназначенную для этого посуду, про себя повторяя к каком-то сонном парении: да, да. Да, да.

Глава двадцать шестая

Пять сундуков одного размера было в каждой семье среднего достатка в Хазарии. Надо сказать, семей такого статуса в Хазарии было больше в те времена, чем в Англии, Испании, Италии и даже в Константинополе. Только, быть может, в Багдаде было больше богатства у жителей, но зато намного меньше свободы.

Каждый из пяти сундуков весил, примерно, тридцать килограмм. У каждого было две ручки по сторонам. Сундуки были деревянными, украшенными неглубокой и незамысловатой резьбой. По верхнему и нижнему краям сундука проходил также резной рельефный карниз.

Один сундук был предназначен для кухонной утвари: кастрюль, сковород, форм выпечки. Все это было разложено по постоянным местам. Всего предметов было пятьдесят восемь, включая ручки утвари.

Во втором сундуке хранилась столовая посуда – тридцать жестяных тарелок, две вилки, стаканы, подносы, множество ножей, кубков, молочница и кофеварка. Все, что необходимо для трапезы, за исключением скатерти, которую хранили отдельно, не в сундуке.

Третий сундук был поделен в ширину тремя перегородками. В одном отделении находился жесткий кожаный бурдюк, извлекаемый за ручку. Во втором – инструменты для шитья и вязки, набор шил, пуговицы, гибкие жилы, употребляемые вместо современной резины, нитки, ткани и закрепки.

В следующем отделении – рабочие инструменты: молоток, сверло и топор, небольшая пила, клещи и скальпель, гвозди в нумерованных коробках. Каждая вещь имела свое место, и даже рисунок. Также здесь находились приспособления для обработки кожи, чистки, скребки, резки и сшивания, в общем, в всего того, что знают лишь кожевники, занимавшиеся шкурами белок и медведей.

В четвертом сундуке были книги. Тора, Пророки и Писания, книги с образцами вязки, книги сказок для детей, и книги о жизни и похождениях великих королей Хазарии, их войнах, народах, которых они покорили, письменные принадлежности и кисти для живописи.

В пятом – предметы для Пейсаха, которые извлекались один раз в год, после того, как весь дом перевозили в другое место – летнее. В сундуке Гади и Малки было много серебряных вещей, подносов, среди которых был главный пасхальный поднос для всего, необходимого в праздник.

За неделю до Пейсаха дома разбирались – на столбы, перегородки, части крыш, трубы, окна и двери, – и все это переносилось на новое место, иногда на расстояние езды в четыре-пять дней. Здесь все собиралось заново, чистилось, исправлялось, красилось и промасливалось.

Так переносили дома, лавки, конюшни, овчарни, улицы, деревни, целые города, и все по «руководству из Итиля».

У каждого поселения было зимнее и летнее место, и в Пасхальный вечер – седер – вся семья сидела за праздничным столом в новом – летнем месте. Застилали стол белой скатертью. Зажигали свечи, лампы, фонари. Приносили горькую зелень, пропеченный кусок мяса с косточкой – «зроа», крутое яйцо, смесь тертых яблок, орехов и корицы – «харосет». Читали пасхальную Агаду, преломляли мацу, сидя в доме, абсолютно очищенном от всего квасного. В столице Итиле оставались на службе полицейские, дежурные из правления города, работники срочной помощи, больниц. Полиция следила за иностранцами, наплыв которых наблюдался во всех городах Хазарии. Мусульмане, викинги, китайцы и славяне, дикие печенеги, римляне и греки. Следили за тем, чтобы часть как бы исчезнувшего на лето города не была приманкой для чужестранных правительств, и чтобы не оскорблялась святость Всевышнего.

В Итиле речные станции оставались на местах, чтобы следить за мостами над семьюдесятью устьями, впадающими в Хазарское море. Это было семьдесят рек, петляющих, окружа-

ющих и пересекающих Итиль, тридцать с востока, тридцать с запада, и десять проходящих через сады и парки, окружающие Итиль, который и вырос на десятках островов между этими реками. И вся эта, в общем-то, хрупкая и сложная система требовала постоянного надзора тех, кто знал нравы этих рек, их течение и внезапные подъемы уровня вод. В первые дни, пока не упорядочили эти станции надзора, было много наводнений и заторов.

Также требовалось дежурство в ключевых местах сети каналов и арыков, орошающих поля риса вокруг Итиля. И гневались люди, хранящие традиции Хазарии, правила кочевья, их порядочность и красоту, на этот огромный, блистающий изобилием и богатством город, развращающий и лишающий души чистоты. И не говорите, что нет ничего в этом особенного, сердились мудрецы Хазарии, все это в глубокой степени непорядочно, и вы еще за все это дорого заплатите.

Есть еще места поселений, отличных по своему характеру – пограничные города на востоке, стоящие против кровожадных, любителей убивать, степных племен. Также и на юге, в высоких неприступных горах, в крепостях на утесах, в ловушках перевалов против мусульман, которые невозможно оставить без охраны, даже если сейчас повсюду спокойствие и мир.

Но во всех остальных местах разбирают дома, выбрасывают все ненужное, что собралось за шесть месяцев лета или шесть месяцев зимы. Размягчают в печи окаменевшую грязь, извлекают из нее все железное – трубу, двери, решетки. Все это загружают на телеги с высокими колесами, включая части дома, пять сундуков, постельное белье, подушки, пару игрушек, с которыми дети не могут расстаться, пищу в дорогу, и отправляются в путь.

Дети в венках цветов идут впереди и разбрасывают литья мяты и лимонные корки по сторонам, за ними идет ансамбль девушек, на головах которых короны из перьев и цветов тростника, танцуют в ритме барабана и шофара и выкрикивая «эй, эй» и «го-го-го», воздымают руки и подпрыгивают в знак почета идущей впереди них и возглавляющей этот пестрый хоровод всегда – жены воинского командира этого поселения или другого военачальника.

На военной базе девушки тренируются целый месяц до выхода в дорогу, иногда до трех часов ночи. Родители беспокоятся, приходят узнать, почему их дитя не вернулось домой до трех утра, да еще из военного лагеря, и находят дочерей на сцене столовой, измотанных, потных, и руководительница ансамбля заставляет их вновь и вновь повторять одновременное поднимание и всплеск рук.

Вслед за ансамблем девиц Хазарии несут в паланкинах уважаемых людей страны широкоплечие рабы, в основном, шведы, или болгары и поляки, венгры, и печенеги, и турки. Иногда несущие паланкины устраивали пляски перед очередной остановкой или новым выходом в путь. И это приводило к тому, уважаемые хазары со слабой печенью страдали от рвоты.

Но не было возможности возразить громким крикам народной массы, окружавшей паланкины известного раввина, старосты села или главы полиции и требовавшей: «Пляску! Пляску!»

Малыши, идущие во главе каравана, обычно уставали до первой остановки, и у них не оставалось не листьев мяты ни лимонных корок.

На остановке их ожидал небольшой лагерь, шатер штаба и множество лотков, продающих горячие напитки, молоко с медом и пироги, булочки с сыром и зеленым салатом.

Покупали все, пили и ели. Матери забирали детей, часто жалуясь, ибо дети Хазарии клялись перед таким походом, что будут идти во главе каравана до нового места. Но каждый раз, и так во всех переходах тысяч поселений, в течение всех четырехсот лет существования империи, они выдыхались до первой остановки, и все возражения и протесты были впустую. Матери, которые видели своих детей уставшими, проявили упрямство и победили. И дети после первой остановки сидели тихо на телегах, сердясь, что им не дали возможности продолжать, но ножки их действительно устали после восьмикилометровой двухчасовой интенсивной ходьбы.

И теперь девушки вели караван, но на второй остановке и им было дано указание разойтись по семьям, отдохнуть, умыться и ждать поздних часов после полудня, когда их снова

вызывали четырьмя звуками шофара. И они снова утраивали шум и представления на восьмикилометровом отрезке, который предстояло пройти в этот день и войти с песнями в ночной лагерь.

Все оставляли телеги, расстилали спальные мешки. Мужчины в талесах собирались на вечернюю молитву, а вокруг стояли женщины, смотрели и немного сплетничали.

Затем разжигали костры. Продавцы передвижных лотков драли три шкуры, отлично прокручивая свои дела, соблазняя вкусными изделиями из квасного теста накануне Пейсаха.

Становилось поздно. Молодые, одолевали естественную усталость, оставаясь вокруг костров, пили пиво, загнипнотизированные языками пламени, но, в конце концов, и они оставляли костры, и это происходило обычно на второй-третий день похода, ибо дорога сильно утомляет. Засыпали на бизоньих шкурах, перебирая пальцами шерсть и взволнованно поглядывая на красивых девушек перед погружением в сон. Тишина и мгла накрывали всех, и звезды с высоты с любовью поглядывали на них. Если начинался дождь, быстро разворачивали легкие временные крыши и вычищали грязь, попавшую между пальцами ног.

Глава двадцать седьмая

Такой переезд из зимнего города в летний длился от двух до шести дней. В конце похода их ожидали дома в новом поселке, которые в большинстве своем были возведенные на том же обозначенном месте, как в предыдущие годы. И так в течение дня возникал поселок с теми улицами и номерами домов и теми же перекрестками, и он существовал полгода, а в увеличенный лунный год – семь месяцев.

Всегда были небольшие изменения. Семья, которая прибавилась, и значит возникал еще один дом на окраине, или разбогатевшая семья купила у кого-нибудь более почетное место, и там возводила дом, расцветенный с большим вкусом, более крупный загон для коз и более крупную конюшню, более изящно отделанные двери, больше флагштоков для стягов из большего количества шелка.

Или кто-то умер, кто-то развелся. Обо всем этом многое можно было найти в написанных семейных хрониках. Летний и зимний город были абсолютно одинаковы, как близнецы. Сам переход давал возможность хазарам избавиться от всего ненужного хлама, который накапливается без всякой нужды, так боролись с грехом накопления.

Самым прекрасным периодом был месяц Нисан, в котором до тринадцатого числа завершали возведение города и или села. Весна ликовала, заваливая мир цветами, сладким ароматом, птицами, и приближающийся пасхальный вечер придавал особую праздничность новому началу жизни. Это особое чувство, по которому скучали хазары, находящиеся далеко от дома по торговым и дипломатическим делам или будучи военными советниками в далекой Византии, Багдадской империи, Швеции. Или позже, когда уже не было их домов, и все было стерто водопадами забвения, они тосковали и плакали, когда ветер приносил знакомые запахи, но они уже не помнили, что это, почему и зачем.

Стерлись из памяти месяцы Ав и Элул, как говорится в знакомой песне. Кстати, строка хазарского поэта докатилась через неизвестных путешественников до Испании. Там услышал ее рабби Шмуэль Анагид, внес ее в свое стихотворение, затем это сделал поэт Натан Йонатан, а музыку написал композитор и певец Цвика Пик.

Тогда, в месяце Тишрей, за два дня до Судного дня, выходили в осенний путь к строительству зимнего города. Обычно, это была дорога на юг, но не всегда, порой спускались с горы в долину или уходили с берегов замерзшего озера в глубину страны, на восток и на запад и даже на север. Если эти переезды были в дни Суккот, то, конечно же, строили шалаши. И были такие города, местечки, села, возникшие в последние пятьдесят лет, которые планировали переезд именно в неделю Суккот, и заповедь сидения в шалашах, покрытых еловыми ветвями, благодаря этому выполнялась с большей прилежностью, согласно постановлениям мудрецов, блаженной памяти.

Каким великолепным было это странствие в Суккот, сколько пелось песен, сколько праздничных трапез под еловыми крышами, сколько танцев по кругу, парами, плясок с саблями, сколько соревнований по бегу с охотой на кролика, которого надо было поймать голыми руками, сколько упражнений с кинжалами, с луком и стрелами, по вечерам, в темноте. Сколько чудесного исчезло, и не было зафиксировано, и никто даже не верит мне, что это было, считая, что я все это выдумал. Они уверены, что ничего такого не произошло, и ничего такого не делали миллионы евреев в гигантской империи в течение четырехсот лет.

Глава двадцать восьмая

Напротив дома пчеловодов Гади и Малки расцвело вишневое дерево. И это было ясным знаком для каждого, что Малка и Гади не переносят свой дом в другое место.

Были и такие среди хазар, что не совершали это кочевье и оставались на месте летом и зимой. Есть ли в этом некое равнодушие к традициям? Нет. Это было определено заранее: пчеловодам оставаться на месте. Потому дом этот стоял на месте уже два поколения. И все же нельзя было обойтись вовсе без чего-то, связанного с кочевьем. Дом разбирался, все доски обстругивались заново, матрасы наполнялись свежим мягким сеном, снова выверялись размеры матрасцев – восемьдесят на метр восемьдесят сантиметров – и этим решалась величина дома. Все было сдвинуто с мест, стены разобраны, кожа вычищена, каждая деталь пронумерована и перенесена на расстояние десяти метров.

Все это время жили под открытым небом. На третий день дом был вновь собран, каждая деталь была чиста от крошек квасного, и много накопившихся вещей было выброшено за ненужностью. Конечно, это не шло в сравнение с числом таких вещей, от которых избавлялись, перевоза дом на расстояние в шесть дней пути – на лошадях, ослах и верблюдах.

Домохозяйка в Хазарии предпочитала использовать лишь необходимые вещи. В доме у Гади и Малки скопилась уйма ненужных вещей по сравнению с другими домами, да и пчелиное хозяйство обросло множеством таких предметов. Потому Дуди сказал: «Давайте построим склад».

Вооружился топором и пилой, начертил план, и перед приходом Пейсаха рядом с домом уже стоял склад величиной с дом.

Рыжая Эсти не отходила от Давида все время, пока он сооружал склад, подавала ему инструменты и обтачивала зубцы досок, входящие в зазоры при скреплении стен, все более влюбляясь в его сноровку, в движение его руки, орудующей молотком, в умение ловко вгонять одну доску в пазы другой, и даже в жест, которым он отирал пот. Каждый раз, когда он отрывал глаза от работы и встречался с ее глазами, она молила про себя, чтобы он встал, оставил работу, клещами раскрыл бы пояс верности и сделал бы ей тут же, на месте, маленького Дудика.

Работа была завершена, пояс верности остался нераскрытым. И тогда Эсти сказала ему, после того, как все присвистнули от восхищения, увидев постройку: «Почему бы нам не перейти сюда жить, любимый?» Так она называла его – «любимый» «Куки». Эти клички доставляли ей удовольствие.

Дуди улыбался широкой улыбкой: «Да, перейдем сюда, когда поженимся».

«Глупости, – сказала Эсти, – пока поженимся, пройдет много времени. Ведь это будет после вашего возвращения».

«После возвращения?» – удивился Давид. Он чувствовал, что есть нечто, чего он не понимает.

«Да, любимый». – И он понял до того, как она завершила фразу. – После того, как вы вернете детей».

«Я... я не думаю, что мы едем, чтобы привезти детей», – забормотал Дуди.

«Нет?» – пришла очередь Эсти удивляться. Неожиданная радость окатила ее с ног до головы.

«Нет, – сказал Дуди, – это не в наших силах. Мы не те шесть храбрецов. Вся идея в том, чтобы добраться до графа в Лопатин, и он решит, что делать».

«А... – разочарованно протянула Эсти. – Он, несомненно, прикажет вам вернуться искать детей. Он вас накажет за то, что не сразу вернулись. И сердиться будет, главным образом, на тебя за то, что ты остался здесь. Ты попадешь в тюрьму на острове среди Хазарского моря».

«Я так не думаю, – сказал Дуди и мороз прошел по всему его телу только от мысли, что он попадет в тюремные подвалы, вырубленные в скалах острова в Хазарском море, пронизываемом сильнейшими ветрами. – Я думаю, что пошлют войска. То, что произошло, не относится к делам, за которые отвечают душой, кровью, головой. Мы не солдаты и это не военный приказ».

«Кто же вы?» – спросила Эсти, радоваться ли тому, что мужчина ее не боец и потому целиком принадлежит ей, или быть этим разочарованной.

«Граф собрал нас в Лопатине» – сказал Дуди. – Мы были просто парнями, которые разгуливали в городе, не кавалеристы, не следопыты, не бойцы-профессионалы. Он дал нам оружие. В общем-то, кое-что мы знаем. Каждый из нас отслужил в армию положенный год, и мы все – хазары, и со дня совершеннолетия – бармицвы – проходили учения. Но вместе мы просто компания юношей, которые хотели выполнить не такое трудное задание, получить оплату и купить коней. Мы не боимся грабителей и шведов, этих мы одолеем. Но с воинством демонов мы справиться не можем. И никто не может это от нас требовать. Мы сделали все, что смогли. Нельзя нас обвинить в том, что мы не попытались освободить детей из рук этого чудовища, от этих созданий мрачных глубин, этой массы бледной немочи в гнилых провалах, далеко от стран нормальной жизни. Достаточно было боя, который мы вели с войском черепах этого дьявола, неестественно и пугающе огромных, болотных черепах, исходящих слюной. Я думаю, что нас лишь похвалят за все, что мы сделали».

«Надеюсь», – сказала Эсти. Они зашли в склад. Вокруг была тьма. Свет едва пробивался в щели окон, и в отверстие трубы виднелась листва деревьев. Он прижал ее тонкое тело к себе, сосредоточился на ее бедрах, приподнял над полом, и через десять минут объятий, кончил, неожиданно, не в силах сдержаться. Тело ее пылало. Что сказать, большое свинство – эти пояса верности. Она попросила его лечь на нее, извиваясь под ним непонятными ему движениями, и вдруг затихла. «Мне было хо-рошо-о» – сказала.

Он был изумлен.

«Сколько женщин – столько колдовства». Затертое это выражение в Хазарии обрело новый смысл. Впервые он понял, что девушка может сделать что-то для собственного удовлетворения, без мужчины. Впервые этот секрет открылся ему.

Дуди не знал, как отнестись к этому. Он попытался вытеснить из сознания то, что отдало его от Эсти, а, может быть, наоборот, приблизило. Он обнял ее крепко и думал о ней только хорошее.

Глава двадцать девятая

«Скажи мне, что они себе думают?» – сказал Гади жене Малке перед отходом ко сну, лежащей рядом на их супружеском матрасе.

Малка едва дышала от усталости после всех этих приготовлений к Пейсаху, нервы сдавали, и потому следует простить ей резкость ответа:

«Не вмешивайся».

«Не вмешивайся, не вмешивайся. Это плохо кончится. Они не могут здесь сидеть, жениться, в то время как дети находятся в руках этого дьявола, и он их тащит – Бог знает куда».

«Перестань произносить имя Господа всуе», – рассердилась Малка, пытаясь унять дрожь, прошедшую по всему ее телу. Вопрос был снят с повестки ночи. Малка вернулась к требованию завтра с утра исправить печь для выпечки мацы, обвинив Гади в лени и безответственности. Гади сказал: «Ладно, ладно» и поцеловал ее в затылок, так, что исчезло желание спать, и она повернулась на спину.

Перегородки в доме удивительно проглатывали все звуки. Гади и Малка возбудились, вспоминая двух маленьких служанок потаскушек, которые были у Гади полгода назад, в Кохоли, и каждая стояла ему кувшина меда.

Деби быстро заснула, считая в уме узлы вязки своего свадебного платья.

Ахав ворочался на своем матрасе, наконец-то лег на живот и заснул. Перед сном он с удовольствием вспоминал то, что сказал Деби в этот вечер: «Я и минуты не могу дышать, чтобы не восхищаться тобой. Поэтому каждый вздох – это ты, ты, ты, Деби, Деби, Деби».

Она не ответила. Он просто еще не знала, как отвечать на такие страстно повторяемые слова.

Эсти и Дуди лежали на складе, в обнимку, голые, за исключением пояса невинности на ней, прикрывшись мягкой стороной мехового одеяла, и все обсуждали стадо оленей, встреченных ими, ветвистые их рога, ссоры и перемирия между влюбленными, их смех и сердитые пререкания. Эсти любила рассказывать о днях детства, проведенных вместе с сестрой и братом, о деде, который тогда еще жил и будил их рано утром громким и грозным голосом. Ой, как они его боялись, ой, как смеялись. Это ведь был дед-герой, убивающий всех демонов.

Наконец, они оделись, опять обнялись и заснули.

Только брат девиц Довелэ лежал в одиночестве, без жены, без девушки, без уважения, ощущая бессмысленность своего существования.

Утром встал, с гневом подступил к отцу и, наворачивая пейсы на пальцы, сказал: «Что здесь происходит? Если они не собираются вернуть детей, я их верну». Но и этот кризис постепенно утихомирился, как и все прежние кризисы, и вновь было отложено то, что должно быть сделано. «После Пейсаха, – сказал отец Гади, – поедем в Кохоли. Следует привезти масло, соль, гвозди, нанять мастеров, приобрести два ТАНАХа и два Талмуда для обоих домов, купить ткани для свадебных платьев твоих сестер. После пасхальных дней отловим коней, и затем ты поедешь. И если останешься там три недели, ничего не случится. Сейчас нет особых дел. Пчелы летают в поисках нектара, мед накапливается в сотах, так что, все в порядке. Если же появится новый рой, так я уже научил Дуди ловить рой в мешок. Учиться он быстро, есть у него странный талант к пчелам. Такого еще не встречал. Езжай, Довела, развлекись немного. Ты молод, и Кохоли предлагает многое для таких парней, как ты».

Но отец не поделился с ним информацией о тех двух потаскушках в соседнем городке, которых можно купить за кувшин меда. Гади не верил в такие беседы с сыном и дочерьми. Каждый из них сам должен обрести опыт в этом деле.

Начал Довела мечтать о длительной поездке в Кохоли, думая лишь о приятном.

Услышала Деби, что брат собирается в Кохоли, – расстроилась. Вовсе не полагается ему такое везение, как ей, которая обрела жениха.

После утомительного дня работы по выпечке мацы и ужина сказал ей жених Ахав: «Пойдем, прогуляемся».

«Только не сейчас, нет у меня желания», – сказала Дебора.

«Случилось что-то?» – спросил Ахав сварливым голосом, уничтожив самый малый шанс на то, что она согласится.

«Ничего не случилось» – сказала Дебора. Он коснулся ее рукой, что было еще одной ошибкой с его стороны. Она отбросила его руку. Он сжал губы, и лицо его выглядело обозленным.

«Извини», – сказала Дебора очень тихим и сладким голосом.

И Ахав подумал, что такое извинение снимает всяческое непонимание между ними. Он обнял ее и она не воспротивилась. «Пойдем, – сказал он, – на наше место».

Откуда он мог знать, что это слово «наше» до крайности ее рассердит?

«Не говори мне о «нашем» месте. Ну, правда, Ахави, я устала. Я просто убита этой выпечкой мацы, хочу спать».

И ушла от него, но вовсе не спать. Пришла к матери и сказала: «Почему только Довеле едет в Кохоли, да еще на три недели? Я тоже хочу».

«Ты выходишь замуж, Дебора, Господи Боже мой, ты что, сошла с ума?»

«А-а? Ты еще ругаешь отца, что он произносит имя Бога всеу? Так-то, все вокруг лицемеры. Весь этот мир насквозь фальшив», – подумала про себя Дебора, вслух сказала «Да», кипя от злости.

Теперь она и вправду пошла спать, но не могла заснуть в полном расстройстве мыслей, пытаясь себя успокоить. Мысли-то явно двигались в нехорошем направлении: она не хотела ни свадьбы, ни этого Ахава.

Глава тридцатая

Прекрасен был пасхальный ужин пять тысяч шестьсот двадцать первого года. Вокруг стола, покрытого белоснежной скатертью, собрались все. Давно такого числа людей не было в этом одиноко стоящем доме. Великолепно получились «кнейдлэх», которые приготовила Дебора из перемолотой в муку свежей мацы.

В этом пустынном месте, далеко от любого поселения, все надо было делать своими руками, даже муку для мацы, которую каждый в просторах империи покупал на рынках, забитых народом в преддверье Песаха. Но в этом было свое преимущество: множество баек возникло во время перемалывания мацы.

Всего было четыре книги пасхальной Агады, и до того, как их начали читать, умывая руки, причесываясь и ожидая, когда Малка выйдет из ванной, сказал Гади сыну Довелэ: «Привези из Кохоли также еще две книт Агады для двух твоих сестер, которые сейчас основывают свои дома, и обязательно с цветными картинками, чтобы понравились внукам», и рассмеялся.

Лицо Эсти просветлело, а Дебора не отреагировала. Но про себя рассердилась, и не знала, что делать с этой злостью. Это было какое-то темное не отстающее ощущение.

Читали Агаду. В этот час, при свечах, читали это миллионы евреев в миллионах домов, в сотнях тысяч мест поселения, малых, больших и очень больших, по всей Хазарии, но ни в одном из них так не сверкал серебряный поднос, как у пчеловодов Гади и Малки.

Каган сидел за пасхальным столом в своем дворце, в столице Итиль, и с ним сидели послы Византии, империи Багдадского халифа, Швеции и Каролингов, представители племен, подчиненных Хазарии, союзники болгары, турки, и даже, впервые, представители агрессивных печенегов, кровожадность которых наводила страх на всех. Острые зубы их сверкали в улыбке, обескураживая сидящих за этим чистым столом.

Но впереди всех послов наций, народов и племен сидели, в порядке важности, раввин из Испании, раввин из Кордовы, глава ешивы из Вавилона с женой.

Военачальник всех войск восседал за пасхальным столом со своими подчиненными в крепости на вершине скалы, на восточном берегу Хазарского моря, одного из самых больших морей в мире, которое простиралось под скалой, и солнце погружалось в него в огромном красном облаке.

Он бросал последний бдительный взгляд на военный лагерь. Слабые волны колыхались в бухте, где укрывались в дымке корабли Хазарии и Швеции. Шведы оставили все работы, избавились от квасного, уважая обычаи властителей Хазарии. При последнем проблеске солнца, он совершил традиционный ритуал хазарского полководца в Песах и подписал свиток об освобождении тысячи пленных, которые выйдут на свободу и не будут проданы в рабство. Радостные клики неслись из заднего двора, когда он поднял свиток и обвел им вокруг себя.

Затем встал и ушел в свои комнаты. Он очень устал, и даже душ не придал ему сил. Одел огромный церемониальный головной убор из меха. Быстрыми шагами пошел в гигантский зал, где вдоль столов сидели тысячи бойцов крепостного гарнизона. С ними солдаты – отличники службы из разных подразделений, которые были выбраны для читки фрагментов Агады. Среди них впервые был солдат из Йемена. Военный ансамбль Хазарии запел знаменитую песню «Расцветали яблони и груши» в тот момент, когда военачальник вошел в зал. Все солдаты встали по стойке смирно, пока он не сел и не раскрыл книгу, не поднял бокал и не прочел первые слова. Тогда все сели с большим шумом, перебрасываясь словами, которые мгновенно были прекращены под взглядами офицеров.

Рядом с военачальником сидела вторая его жена, тонкие волосы которой стекали по плечам как сухой песок. И атмосфера этого чудесного праздника навела ему тоску по первой его

жене, и он все время не переставал спрашивать себя: «Где она сейчас, и за каким пасхальным столом встречает праздник?»

Глава тридцать первая

Пели пасхальные песнопения, стучали по столу ножами и ложками, распевая «Один – кто знает? – Это Всевышний, что на небе и на земле. Два – кто знает? – Это скрижали Завета...»

Ахав не отрывал взгляда от Деборы, одетой во все белое, поющей и смеющейся, радостной. Казалось, злой дух покинул ее. И такой она была красивой в белом, так нежна кожей.

Дом сиял множеством толстых темного воска свечей. Еда была вкусной, хрен – острым. После того, как отмолились и спели, собрана посуда и скатерти, вылили остатки вина из бокалов, все пересели на диваны вдоль стен. Гади явно переел. Фаршированная рыба в этот год была отличной, и он съел три порции. Очень любил он куриный бульон с мучными шариками и съел две тарелки, затем еще немного риса, немного салата, немного гороха, и все это с мацой, которая так вкусна в первый день праздника. К этому следует прибавить главное блюдо – куриное и говяжье мясо и на десерт – лесные ягоды в медовом сиропе, свежую морковь. Еще немного, и Гади почувствовал, что живот его лопнет.

Только Ахав ел и не чувствовал никакого вкуса от еды. Есть такая сентенция – «Даже у лучших яств мира привкус праха». Слова эти, которые еще в школе Ахав начертал для украшения библиотеки – вернулись к нему сейчас печальной мелодией в часы праздничного застолья.

Девушки встали, смеясь над поясами невинности, которые после столь обильной еды давили им на животы, но смех Деби не был столь ликующим, как во время пения. Она лишь повторяла, что очень устала, словно бы это должно было всех заинтересовать.

Ахав ощущал одиночество и обиду. Он решил не просить ее при всех – выйти на ночную прогулку. Сидел в удобном углу, на цветных подушках, лишь говоря про себя «Идем со мной, Деби, возьми меня к звездам».

Она не пришла, не присела рядом. Лишь сказала: «Ладно, я иду спать», и вышла.

Малка оглядывалась по сторонам, как человек, увидевший вора, крадущего шампунь в супермаркете, и не в силах понять то, что видит. Наконец-то сообразила, и лицо ее напряглось. Вышла вслед за дочерью.

«Что происходит, Деби? – спросила, зайдя к ней в комнату.

Та стояла спиной к двери. Она уже сняла рубаху, готовясь лечь в постель, и не ответила.

«Не хочешь говорить – не говори», – сказала Малка, не скрывая, что это ей неприятно, и она хочет знать причины такого поведения дочери.

– Случилось что-то? Ты заставляешь Ахава страдать. И это, в общем-то, не очень красиво, я думаю».

Деби села на кровать. Мать села рядом. Кровать не была поднята от пола, и надо было сидеть на ней, скрестив ноги. Малка отодвинулась и нечаянно села на незаконченное вязанье. «Не скомкай это» – закричала Деби. Стало тихо.

«Мама, я хочу поехать в Довалэ в Кохоли». Опять пауза.

«Мама, я не хочу замуж за Ахава... И сними ты с меня этот пояс невинности. Я больше в нем не нуждаюсь».

Малка рассмеялась от изумления. Это уже было слишком. Деби разрыдалась: «Ты смеешься? Ты еще смеешься?» Бросилась на постель, спиной к матери, лицом – к стене.

Малка встала, оперлась о деревянный столб, подпирающий крышу в середине комнаты. Столб был гладким, ибо об него опиралось уже два поколения семьи. Малка была в смятении, она не знала, как говорить с плачущей дочерью, о чем ей и сказала. И Деби попросила мать покинуть ее комнату и объяснила, насколько ей неприятно, что мать всегда хочет знать каждую мелочь ее жизни и требует отчета о каждом чувстве в душе дочери, о том, что творится в ее сердце, в котором она сама, Деби, не в силах разобраться.

Деби смахнула слезы. Она не была плаксой, хотя знала, какое это наслаждение выплакаться. Наоборот, она была активной, сильной девушкой, четко знающей, что позволено ей, и что нет, каковы запреты и каковы обязательства, и она гордилась своим характером, но всегда была недовольна собой. Долг свой явно запаздывала выполнять, небрежна была к запретам, проявляя легкомыслие, но услышав о ком-либо другом, ведущем себя таким образом, бывала шокирована и бурно выражала недовольство, осуждая его.

«Так ты портишь пасхальный вечер?» – решила Малка сыграть именно на этом свойстве характера дочки. Снова присела на кровать, заставив Деби повернуться к ней.

«Мама, я сдерживалась до этого пасхального вечера, чтобы все было нормально, как полагается быть, чтобы не нарушить ваш с отцом надуманный покой и умиротворение, чтобы вы были счастливы, что у дочери есть жених. В общем, чтобы все было как надо, – выпалила Деби и снова залилась слезами, – вот видишь, что ты сделала? Видишь?» – обвиняла она мать сквозь слезы.

«Не будет у тебя много таких возможностей. Ахав отличный парень. Он тебя очень любит, это можно видеть», – сказала Малка. Она считала, что это ее долг уравновешенного человека объяснить дочери то, что молодые не видят. И все же как-то немного боялась этого. Почему? Что, она не имеет права?

«Я знала, что именно это ты мне скажешь, я знала», – сказала Деби, перестала плакать, смотрела в потолок, на котором плясали тени от пламени свечей. Она вздохнула глубоким вздохом. Так вздыхают только иудеи.

«Ты вздыхаешь, как столетняя старуха», – попыталась рассмешить ее мать, но ничего из этого не получилось. Не страшно. Деби обрадовалась попытке матери помириться. Она не выйдет замуж за Ахава. Она не может больше терпеть его прикосновения. Что будет? Будет хорошо. Она поедет в Кохоли с братом. Почему это только он должен ехать? И, может быть, там найдет себе кого-то другого. И не следует так о ней беспокоиться и заботиться, она не останется старой девой (Именно это, в конце концов, и случилось). Чего это они хотят от нее так быстро избавиться. Можно подумать, что она им мешает.

Деби чувствовала себя несчастной и отторгнутой. Она понимала, что должна расстаться с тем, кто ее любит, и это ее ужасно печалило. Она чувствовала себя угнетенной и удрученной, и в то же время потрясена была тем, насколько приятны эти чувства. И еще интересное открытие: удивительно, какая сила заключена в этой печали, влияющей на все вокруг.

Потому нахмурила лицо, сжала губы, уставилась в дальнюю стену и сказала:

«Сними с меня этот пояс, мама. Я в нем больше не нуждаюсь. Он ужасно давит после каждой трапезы, и нет у меня для кого и для чего так страдать».

«Но что будет с Ахавом?» – спросила мать, пропустив мимо ушей просьбу дочери.

«Не знаю, действительно не знаю. Он не виноват, бедный. А, может, и виноват. Ты знаешь, он ведь не собирается обзаводиться детьми? Я не могу любить такого мужчину. Когда я услышала о его долгах, я почувствовала, что это кто-то другой, не знакомый мне человек, которого я больше не люблю». Про себя она думала: Ахав слишком любит меня, а я не в силах любить того, кто так меня любит. Это ненормально, я знаю. Уф.

Трудно было ответить на претензии дочери. Они были слишком справедливы. Но других мужчин не найдешь в этой части страны. Потому Малка ласкающими слух эпитетами описывала поведение Ахава, философски оправдывая все его действия и промахи. Но это не убеждало маленькую Дебору, и надо сказать, что именно поэтому мать весьма была горда дочерью.

И все же она просила по поводу пояса невинности повременить с решением.

«Думай до утра», – сказала она Деборе и вышла из комнаты.

Малка нашла Ахава пьющим вино прямо из кувшинов, нос его был красен.

«Доброй ночи, – сказала ему, – Деби устала и не очень хорошо себя чувствует. Поговорите утром».

Эсти и Дуди не были там, и она догадывалась, где они, эти два разгоряченных голубка. «У Эсти с этим никаких проблем», – думала про себя Малка и поторопила мужа идти спать. В постели рассказала ему о Деби. Он не дал никаких советов или указаний. Он понимал, что это не в их силах заставить дочь изменить решение. Но он начал искать выход из этой запутанной ситуации и с этим заснул на вздутом от праздничного обжорства животе.

Утром спали поздно, проснулись при закрытых окнах.

«Малка», – прошептал Гади, раскрыв глаза.

«Что?» – сказала Малка.

«Ты не спишь?»

«Я не могу спать».

«Что тебя беспокоит сейчас?»

«Деби».

«Все образуется. Нечего тут делать. Не хочет она Ахава, тому и быть».

Малка боялась рассказать мужу о желании дочери поехать в город с братом. Гади после вчерашнего праздничного ужина был совсем размягчен. Она просто удивилась, что он вообще не возражает.

«Тебя совсем не волнует, что она поедет одна?»

«Нет. Она уже достаточно взрослая. И после опыта с Ахавом, я верю, она будет знать, как вести себя с мужчинами».

«Ну, и она все же с братом», – подбодрила себя Малка.

«Верно, – сказал Гади, – я с ней поговорю. Все будет в порядке. В любом случае, это то, что она хочет, так удовлетворим ее желание, и она оценит нас, и поверит нам».

«Дай мне поговорить с ней, – сказала Малка, – со мной она разговаривает. Мне она все рассказывает». Она ощущала все же особую связь с дочерью, и не хотела её доверить никому.

Гади вздохнул и согласился: он не заберет у нее этот клад эмоций в отношениях с дочерью, которым она не хочет ни с кем делиться. Пусть получают обоюдное удовольствие. У него и так много своих дел.

«Ладно, – сказала Малка, – если она уже проснулась, я сниму с нее этот пояс. Дай мне ключи, они в твоём ящике. Надо подготовить ей вещи для поездки. Господи, сколько у меня работы. Надо еще приготовить мясо с овощами».

«Только не начинай безумствовать, – сказал ей Гади, – самое простое дело подготовить ее к дороге. Дай ей мешочек с тремя золотыми монетами и двадцатью серебряными, и она купит все, что ей надо».

Но эта идея для Малки была слишком суха и скучна. Что это за подготовка дочери к поездке, если нельзя расчувствоваться, заполнить чемоданы всякой необходимой мелочью, в которых таится материнская любовь, приготовить пару вязаных носков и меховую шапку.

Глава тридцать вторая

Когда наводили порядок к празднику Пейсах, извлек Гади из одного улья четыре небольшие стеклянные баночки и все думал: выкинуть или нет.

Баночки были из тонкого стекла, немного задымленные, заткнутые пробками из мягкого дерева, и вокруг горлышка облитые воском для полной герметичности. Сверху они были еще покрыты льняной тканью, перевязанной ниткой. Внутри них хранились порошки.

«Устраняют боль», – сказал ему купец, выделяющийся тонким носом, который продал эти порошки Гади.

В один из дней приехал с караваном, появляющимся раз в полгода, и, беседуя с Гади вечером, сказал: «У тебя достаточно денег, чтобы купить это чудодейственное лекарство, устраняющее боль. Я бы в этом отдаленном от всех месте не нуждался бы в соседях и товарищах, будь у меня это лекарство». О нем-то, совсем недавно привезенном в аптеки центральных городов Итиля и Басаркиля, и рассказал купец. Один из порошков добывается из растения белладонны, другой – из толстых стеблей другого растения. Первый привозят из пустыни, второй – со снежных гор. И столько об этом рассказывал купец, что Гади сказал:

«Ладно, покупаю».

Цена была просто невыносимой. Услышав ее, Малка сказала: «Зачем нам вообще это нужно?» Спорила, и, не поверите, уступила.

Так что, между Новым годом и Суккот, когда все тыквы пожелтели, вспаханные поля посерели, последние цветы лета раскрылись на стеблях высоких растений, чей рост прекратился, вновь пришел караван. С ним явился и знакомый купец, извлек эти баночки, завернутые вместе, и все были поражены малой величиной баночек.

«Ты хочешь сказать нам, что за это вот мы заплатили уйму денег? – воскликнул Гади.

Дочери смотрели и молчали.

Маленькие баночки весьма их привлекали именно своей величиной. Страсть к коллекционированию в них была редкой в Хазарии.

«Порошки эти очень дорогие, – сказал купец, – я вас предупреждал об этом. И если бы я заранее не получил от вас денег, вообще бы не приехал. Когда я пришел в Итиле за этими порошками, их не было, ибо один из компонентов, необходимых для лекарства, кончился. Ждали, когда его привезут долгой дорогой через степи длинноусых печенегов. И цены, естественно, подскочили. Большая часть прибыли, которую я предполагал получить, исчезла, но долг и честь трех купеческих поколений моей семьи требовали выполнить обещанное».

Когда купец говорит о потере прибыли, все склонны ему не верить. Так нас воспитали: не любить купцов, хотя без них жизнь наша бы выродилась и превратилась в сплошную скуку. Всегда купцы ловили подозрительные, враждебные, брезгливые взгляды покупателей. Если купцы богатели, всегда наступал день, когда на них набрасывались и грабили эти богатства, которые, конечно же, были ими же награблены у вдов с семьей детьми, из которых один был дебилом. Всегда купцов изображали как ненавистников доброго и любителей зла, сдирающих шкуры с людей, затем и мясо, а кости складывали в горшки для варева. Поэтому можно назвать чудом, что купцы сумели уцелеть и не взбунтоваться, хотя всегда, во все времена, преследовались.

Но тот купец говорил правду. Ничего не заработал на этой сделке. И если еще посчитать страховку на все товары, и на обратный путь, то купец даже потерял.

Взял Гади эти баночки, а Малка позаботилась лишний раз скривить рот. У покупателей тоже есть всякие фокусы. Но, по сути, она была довольна покупкой. Странное удовольствие, которое связано с тратой денег на всякие глупости, овладело ею, так, что она не могла дать себе отчет, насколько это опасно, и как они могут превратиться в страсть транжирить.

После того, как все полюбовались баночками, встряхнули желтоватые порошки в них, купец извлек сопроводительную бумагу.

«Это, – объяснил он, – условия покупки этих порошков. Главные раввины Кагана, аптекари и ученые обязывают каждого, кто покупает эти порошки, получить и беречь этот свиток. Подпиши мне, что ты его получил».

Взглянул Гади на строки свитка, поскреб рыжую свою бороду, подписал, подул на чернила и взял свиток, который тут же свернулся в его ладонях.

«Прочти свиток», – настаивал купец.

«Ладно, ладно,» – сказал Гади, и так потерявший время из-за этого человека, который заставил его раскошелиться на такую сумму за явно ненужную Гади вещь, и еще требовал что-то после сделки.

Так и не прочел указания, оставив это на более позднее время.

Вечером, после того, как весь караван покинул усадьбу, раскрыл Гади свиток. В нем были начертаны невероятные предостережения при пользовании снадобьем. Пользоваться им следовало лишь в случаях невыносимой и продолжительной боли, когда уже не помогает закусить губу или вгрызаться зубами в деревянную палку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.